

Александр Николаевич Островский

Таланты и поклонники

Александра Николаевна Негина, актриса провинциального театра, молодая девица.

Домна Пантелеевна, мать ее, вдова, совсем простая женщина лет за 40, была замужем за музыкантом провинциального оркестра.

Князь Ираклий Стратоныч Дулебов, важный барин старого типа, пожилой человек.

Григорий Антоныч Бакин, губернский чиновник на видном месте, лет 30.

Иван Семеныч Великатов, очень богатый помещик, владелец отлично устроенных имений и заводов, отставной кавалерист, человек практического ума, ведет себя скромно и сдержанно, постоянно имеет дела с купцами и, видимо, старается подражать их тону и манерам; средних лет.

Петр Егорыч Мелузов, молодой человек, кончивший курс в университете и ожидающий учительского места.

Нина Васильевна Смельская, актриса, постарше Негиной.

Мартын Прокофьевич Нароков, помощник режиссера и бутафор, старик, одет очень прилично, но бедно; манеры хорошего тона.

Действие в губернском городе. В первом действии, в квартире актрисы Негиной: налево от актеров окно; в глубине, в углу, дверь в переднюю; направо перегородка с дверью в другую комнату; у окна стол, на нем несколько книг и тетрадей; обстановка бедная.

Явление первое

Домна Пантелевна одна.

Домна Пантелевна*(говорит в окно)*. Зайди денька через три-четыре; после бенефиста все тебе отдадим! А? Что? О, глухой! Не слышит. Бенефист у нас будет; так после бенефиста все тебе отдадим. Ну, ушел. *(Садится.)* Что долгу, что долгу! Туда рубль, сюда два... А каков еще сбор будет, кто ж его знает. Вот зимой бенефист брали, всего сорок два с полтиной в очистку-то вышло, да какой-то купец полоумный серьги бирюзовые преподнес... Очень нужно! Эка невидаль! А теперь ярмарка, сотни две уж все возьмем. А и триста рублей получишь, нешто их в руках удержишь; все промежду пальцев уйдут, как вода. Нет моей Саше счастья! Содержит себя очень аккуратно, ну, и нет того расположения промежду публики: ни подарков каких особенных, ничего такого, как прочим, которые... ежели... Вот хоть бы князь... Ну, что ему стоит! Или вот Иван Семеныч Великатов... говорят, сахарные заводы у него не один миллион стоят... Что бы ему головки две прислать: нам бы надолго хватило... Сидят, по уши в деньгах зарымшись, а нет, чтобы бедной девушке помочь. Я уж про купечество и не говорю - с тех что взять! Они и в театр-то не ходят; разве какой уж ошалеет совсем, так его словно ветром туда занесет... так от таких чего ожидать, окромя безобразия...

Входит Нароков.

Явление второе

Домна Пантелевна и Нароков.

Домна Пантелевна. А, Прокофьич, здравствуй!

Нароков(*мрачно*). Здравствуй, Прокофьевна!

Домна Пантелевна. Я не Прокофьевна, я Пантелевна, что ты!

Нароков. И я не Прокофьич, а Мартын Прокофьич.

Домна Пантелевна. Ах, извините, господин аркист!

Нароков. Коли хотите быть со мной на ты, так зовите просто Мартыном; все-таки приличнее. А что такое «Прокофьич»? Вульгарно, мадам, очень вульгарно!

Домна Пантелевна. Люди-то мы с тобой, батюшка, маленькие, что нам эти комплименты разводить.

Нароков. «Маленькие»? Я не маленький человек, извините!

Домна Пантелевна. Так неужели большой?

Нароков. Большой.

Домна Пантелевна. Так теперь и будем знать. Зачем же ты, большой человек, к нам, к маленьким людям, пришел?

Нароков. Так, в этом тоне, и будем продолжать, Домна Пантелевна? Откуда это в вас озорство такое?

Домна Пантелевна. Озорство во мне есть, это уж греха нечего таить! Подтрунить люблю, и чтобы стеснять себя в разговоре с тобой, так я не желаю.

Нароков. Да откуда оно в вас, это озорство-то? От природы или от воспитания?

Домна Пантелевна. Ах, батюшка, откуда? Ну, откуда... Да откуда чему другому-то быть? Жила всю жизнь в бедности, промежду мещанского сословия; ругань-то каждый божий день по дому кругом ходила, ни отдыху, ни передышки в этом занятии не было. Ведь не из пансиона я, не с мамами воспитывалась. В нашем звании только в том и время проходит, что все промеж себя ругаются. Ведь это у богатых деликатности разные придуманы.

Нароков. Резон. Понимаю теперь.

Домна Пантелевна. Так неужто ж со всяким нежничать, всякому, с позволения сказать... Сказала б я тебе словечко, да обижать не хочу. Неужто всякому «вы» говорить?

Нароков. Да, в простонародии все на ты...

Домна Пантелевна. «В простонародии»? Скажите, пожалуйста! А ты что за барин?

Нароков. Я барин, я совсем барин... Ну, давай на ты, мне это не в диковину.

Домна Пантелевна. Да какая диковина; обыкновенное дело. В чем же твоя барственность?

Нароков. Я могу сказать тебе, как Лир: каждый вершок меня – барин. Я человек образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелевна. Ты-то?

Нароков. Я-то.

Домна Пантелевна. Да ужли?

Нароков. Ну что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелевна. Нет, зачем? Не божись, не надо; я и так поверю. Отчего же ты шуфлером служишь?

Нароков. Я не chou-fleur и не siffleur, мадам, и не суфлер даже, а помощник режиссера. Здешний-то театр был мой.

Домна Пантелевна(с удивлением). Твой? Скажите на милость!

Нароков. Я его пять лет держал, а Гаврюшка-то был у меня писарем, роли переписывал.

Домна Пантелевна(с большим удивлением). Гаврила Петрович, ампренёр здешний?

Нароков. Он самый.

Домна Пантелевна. Ах ты, горький! Так вот что. Значит, тебе в этом театральном деле счастья Бог не дал, что ли?

Нароков. Счастья! Да я не знал, куда девать счастье-то, вот сколько его было!

Домна Пантелевна. Отчего ж ты в упадок-то пришел? Пил, должно быть? Куда ж твои деньги девались?

Нароков. Никогда я не пил. Я все свои деньги за счастье-то и заплатил.

Домна Пантелевна. Да какое ж такое счастье у тебя было?

Нароков. А такое и счастье, что я делал любимое дело. (*Задумчиво.*) Я люблю театр, люблю искусство, люблю артистов, понимаешь ты? Продал я свое имение, денег получил много и стал антрепренером. А? Разве это не счастье? Снял здешний театр, отделал все заново: декорации, костюмы; собрал хорошую группу и зажил, как в раю... Есть ли сборы, нет ли, я на это не смотрел, я всем платил большое жалованье аккуратно. Поблаженствовал я так-то пять лет, вижу, что деньги мои под исход; по окончании сезона рассчитал всех артистов, сделал им обед прощальный, поднес каждому по дорогому подарку на память обо мне...

Домна Пантелевна. Ну, а что ж потом-то?

Нароков. А потом Гаврюшка снял мой театр, а я пошел в службу к нему; платит он мне небольшое жалованье да помаленьку уплачивает за мое обзаведение. Вот и все, милая дама.

Домна Пантелевна. Тем ты только и кормишься?

Нароков. Ну, нет, хлеб-то я себе всегда достану; я уроки даю, в газеты корреспонденции пишу, перевожу; а служу у Гаврюшки, потому что от театра отстать не хочется, искусство люблю очень. И вот я, человек образованный, с тонким вкусом, живу теперь между грубыми людьми, которые на каждом шагу оскорбляют мое артистическое чувство. (*Подойдя к столу.*) Что это за книги у вас?

Домна Пантелевна. Саша учится, к ней учитель ходит.

Нароков. Учитель? Какой учитель?

Домна Пантелевна. Студент. Петр Егорыч. Чай, знаешь его?

Нароков. Знаю. Кинжал в грудь по самую рукоятку!

Домна Пантелевна. Что больно строго?

Нароков. Без сожаления.

Домна Пантелевна. Погоди колоть-то: он жених Сашин.

Нароков(с испугом). Жених?

Домна Пантелевна. Там еще, конечно, что Бог даст, а все-таки женихом зовем. Познакомилась она с ним где-то, ну, и стал к нам ходить. Как же его назвать-то? Ну и говоришь, что, мол, жених; а то соседи-то что заговорят! Да и отдам за него, коли место хорошее получит. Где ж женихов-то взять? Вот кабы купец богатый; да хороший-то не возьмет, а которые уж очень-то безобразны, тоже радость не велика. А за него что ж не отдать, парень смирный, Саша его любит.

Нароков. Любит? Она его любит?

Домна Пантелевна. Отчего ж его не любить? Что, в самом деле, по театрам-то трепаться молодой девушке! Никакой основательности к жизни получить себе нельзя!

Нароков. И это ты говоришь?

Домна Пантелевна. Я говорю, и уж давно говорю. Ничего хорошего, окромя дурного.

Нароков. Да ведь твоя дочь талант; она рождена для сцены.

Домна Пантелевна. Для сцены-то для сцены это точно, это уж что говорить! Она еще маленькая была, так, бывало, не вытащить ее из театра; стоит за кулисами, вся трясется. Муж-то мой, отец-то ее, был музыкант, на флейте играл, так, бывало, как он в театр, так и она за ним. Прижмется к кулисе, да и стоит, не дышит.

Нароков. Ну, вот видишь. Ей только на сцене и место.

Домна Пантелевна. Уж куда какое место прекрасное!

Нароков. Да ведь у нее страсть, пойми ты, страсть! Сама же ты говоришь.

Домна Пантелевна. Хоша бы и страсть, да хорошего-то в этом нет, похвалить-то нечего. Это вот вам, бездомным да беспутным.

Нароков. О, невежество! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Да ну тебя с кинжалами! У вас путного-то на сцене немного; а я держу свою дочь на замужней линии. Со всех сторон там к ней лезут, да подлипают, да глупости разные в уши шепчут... Вот князь Дулебов повадился, тоже на старости лет ухаживать вздумал... Хорошо это? Как ты скажешь?

Нароков. Князь Дулебов! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Ох, уж много ты очень народу переколол.

Нароков. Много.

Домна Пантелевна. И все живы?

Нароков. А то как же? Конечно, живы, и все в добром здоровье, продли им, Господи, веку. На-ка, вот, отдай! *(Подает тетрадку.)*

Домна Пантелевна. Это что ж такое?

Нароков. Роль. Это я сам переписал для нее.

Домна Пантелевна. Да что ж это за парад такой? На тонкой бумаге, связано розовой ленточкой!

Нароков. Ну, да уж ты ей отдай! Что тут разговаривать!

Домна Пантелевна. Да к чему ж эти нежности при нашей бедности? Небось ведь за ленточку-то последний двугривенный отдал?

Нароков. Хоть и последний, так что ж из этого? Ручки у нее хорошенькие, душка еще лучше, нельзя же ей грязную тетрадь подать.

Домна Пантелевна. Да к чему, к чему это?

Нароков. Что ты удивляешься? Все это очень просто и естественно; так и должно быть, потому что я в нее влюблен.

Домна Пантелевна. Ах, батюшки! Час от часу не легче! Да ведь ты старик, ведь ты старый шут; какой ты еще любви захотел?

Нароков. Да ведь она хороша? Говори: хороша?

Домна Пантелевна. Ну, хороша; так тебе-то что ж?

Нароков. Кто ж хорошее не любит? Ведь и ты тоже хорошее любишь. Ты думаешь, коли человек влюблен, так сейчас гам... и съел? Из тонких парфюмов соткана душа моя. Где же тебе это понять!

Домна Пантелевна. А ведь ты чудак, как посмотрю я на тебя.

Нароков. Слава Богу, догадалась. Я и сам знаю, что чудак. Что ж ты меня обругать, что ли, этим словом-то хотела?

Домна Пантелевна*(у окна).* Никак князь подъехал? И то он.

Нароков. Ну, так я уйду тут, через кухню. Адье, мадам.

Домна Пантелевна. Адье, мусье!

Нароков уходит за перегородку. Входят Дулебов и Бакин.

Явление третье

Домна Пантелевна, Дулебов, Бакин.

Домна Пантелевна. Дома нет, ваше сиятельство, уж извините! В гостиный двор пошла.

Дулебов. Ну, ничего, я подожду.

Домна Пантелевна. Как угодно, ваше сиятельство.

Дулебов. Вы делайте свое дело, не беспокойтесь, пожалуйста, я подожду.

Домна Пантелевна уходит.

Бакин. Вот мы и съехались, князь.

Дулебов. Ну, что же, здесь нетесно и для двоих.

Бакин. Но, во всяком случае, один из нас лишний, и этот лишний – я. Уж такое мне счастье: заехал к Смельской, там Великатов сидит, молчит.

Дулебов. А вы бы разговаривали. Вы разговаривать умеете, значит, шансы на вашей стороне.

Бакин. Не всегда, князь. Великатов и молчит-то гораздо убедительнее, чем я говорю.

Дулебов. Да почему же?

Бакин. Потому что богат. А так как, по русской пословице: «С богатым не тянись, а с сильным не борись», то я и ретируюсь. Великатов богат, а вы сильны своей любезностью.

Дулебов. Ну, а вы-то чем же хотите взять?

Бакин. Смелостью, князь. Смелость, говорят, города берет.

Дулебов. Города-то, пожалуй, легче... А впрочем... уж это ваше дело. Коли не боитесь проигрыша, так отчего ж и смелость не попробовать.

Бакин. Я лучше готов потерпеть неудачу, чем пускаться в любезности.

Дулебов. У всякого свой вкус.

Бакин. Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства – уж это не много ли чести для наших дам!

Дулебов. У всякого свой взгляд.

Бакин. Мне кажется, очень довольно вот такой декларации: «Я вот таков, как вы меня видите, предлагаю вам то-то и то-то; угодно вам любить меня?»

Дулебов. Да, но ведь это оскорбительно для женщины.

Бакин. А уж это их дело, оскорбляться или нет. По крайней мере, я не обманываю; ведь не могу же я, при таком количестве дел, заниматься любовью серьезно: зачем же я буду притворяться влюбленным, вводить в заблуждение, возбуждать, может быть, какие-нибудь несбыточные надежды! То ли дело договор?

Дулебов. У всякого свой характер. Скажите, пожалуйста, что за человек Великатов?

Бакин. Я об нем знаю столько же, сколько и вы. Очень богат; великолепное имение в соседней губернии, свеклосахарный завод, да еще конный, да, кажется, винокуренный. Сюда приезжает он на ярмарку; продавать ли, покупать ли лошадей, уж я не знаю. Как он разговаривает с барышниками, я тоже не знаю; но в нашем обществе он больше молчит.

Дулебов. Он деликатный человек.

Бакин. Даже очень: никогда не спорит, со всеми соглашается, и никак не разберешь, серьезно он

говорит или мистифирует тебя.

Дулебов. Но он очень учтивый человек.

Бакин. Уж слишком даже: в театре решительно всех по именам знает, и кассира, и суфлера, и даже бутафора, всем руку подает. А уж старух обворожил совсем: все-то он знает; во все их интересы входит; ну, одним словом, для каждой старухи сын самый почтительный и предупредительный.

Дулебов. А из молодых он, кажется, никому особого предпочтения не дает и держится как-то в стороне от них.

Бакин. С этой стороны, князь, будьте покойны, он вам соперник не опасный; он как-то сторонится от молодых и никогда первый не заговаривает; когда обратятся к нему, так у него только и слов: «Что прикажете? Что угодно?»

Дулебов. А может быть, это рассчитанная холодность, он хочет заинтересовать собою?

Бакин. Да на что ему рассчитывать! Он завтра или послезавтра уезжает.

Дулебов. Да... разве?

Бакин. Наверное. Он мне сам говорил: у него уж все приготовлено к отъезду.

Дулебов. Жаль! Он очень приятный человек, такой ровный, спокойный.

Бакин. Мне кажется, его спокойствие происходит от ограниченности; ума не скроешь, он бы в чем-нибудь выказался; а он молчит, значит, не умен; но и не глуп, потому что считает за лучшее молчать, чем говорить глупости. У него ума и способностей ровно столько, сколько нужно, чтобы вести себя прилично и не прожить того, что папенька оставил.

Дулебов. В том-то и дело, что папенька оставил ему имение разоренное, а он его устроил.

Бакин. Ну, прибавим ему еще несколько практического смысла и расчетливости.

Дулебов. Пожалуй, придется и еще что-нибудь прибавить, и выйдет очень умный, практический человек.

Бакин. Как-то верить не хочется. А впрочем, мне все равно, умен ли он, глуп ли; вот что богат очень, это немножко досадно.

Дулебов. Неужели?

Бакин. Право. Как-то невольно в голову приходит, что было бы гораздо лучше, если бы я был богат, а он беден.

Дулебов. Да, это для вас лучше, ну, а для него-то?

Бакин. А мне черт его возьми; что мне до него! Я про себя говорю. Однако пора и за дело. Уступаю вам место без бою. До свидания, князь!

Дулебов(подавая руку). Прощайте, Григорий Антоныч!

Бакин уходит. Входит Домна Пантелевна.

Явление четвертое

Дулебов и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Ушли, не дождались?

Дулебов. Вы что за эту квартиру платите?

Домна Пантелевна. Двенадцать рублей, ваше сиятельство.

Дулебов(*указывая в угол*). Тут сыро, должно быть!

Домна Пантелевна. По деньгам и квартира.

Дулебов. Надо будет переменить. (*Отворяя дверь направо.*) А там что?

Домна Пантелевна. Спальня Саша, а направо-то моя комната, а там кухня.

Дулебов(*про себя*). Мизерно. Да... конечно, так невозможно.

Домна Пантелевна. По средствам, ваше сиятельство.

Дулебов. Пожалуйста, не говорите, чего не понимаете. Хорошей актрисе нельзя так жить, ну, нельзя, я вам говорю, невозможно. Это неприлично.

Домна Пантелевна. Какие же недостатки?

Дулебов. Что такое за слово: «недостатки»?

Домна Пантелевна. Из каких доходов, ваше сиятельство?

Дулебов. Какое же нам дело до ваших доходов!

Домна Пантелевна. Да где ж взять-то, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, «где взять»! Кому нужно! Никому до этого дела нет; где хотите, там и берите. Только так нельзя, это... это... ну, просто неприлично, да и все тут.

Домна Пантелевна. Вот кабы жалованье...

Дулебов. Ну, там жалованье или что другое, это уж ваше дело.

Домна Пантелевна. Бенефисты очень плохи берем.

Дулебов. А кто виноват? Чтобы брать большие бенефисы, нужно знакомство хорошее, нужно уметь его выбрать, уметь обходиться... Я могу вам назвать лиц десять, которых нужно привлечь на свою сторону; вот и великолепные бенефисы будут: и призы, и подарки. Это дело простое, давно всем известно. Нужно принимать у себя порядочных людей... А где же тут! Что это такое? Кто сюда поедет?

Домна Пантелевна. А ведь, кажется, публика ее любит, а вот в бенефист так... ничем не заманишь.

Дулебов. Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мелкие чиновники! Они рады все руки себе отхлопать, по десяти раз вызывают Негину, а уж ведь они, каналы, лишнего гроша не заплатят.

Домна Пантелевна. Что правда, то правда, ваше сиятельство. Конечно, кабы знакомство, так уж совсем другое дело.

Дулебов. Само собой. Публику винить нельзя, публика никогда виновата не бывает; это тоже общественное мнение, а на него жаловаться смешно. Надо уметь заслужить любовь публики. Надо, чтоб постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а главными-то, собственно, ее друзьями были бы мы, солидные люди. Все мы целый день заняты, кто семейными и хозяйственными делами, кто общественными, у нас свободны только несколько часов вечером; где же удобнее, как не у молодой актрисы, отдохнуть, так сказать, от бремени забот, одному - хозяйственных, а другому - о вверенном его управлению ведомстве или районе.

Домна Пантелевна. Уж это очень мудро для меня, ваше сиятельство. Вы вот эти-то слова Саше и скажите.

Дулебов. Да, скажу, непременно скажу, я за этим и приехал.

Домна Пантелевна. Да вот, кажется, и она бежит.

Дулебов. Только уж вы нам не мешайте!

Домна Пантелевна. Ах, помилуйте, да разве я своему детищу враг!

Входит Негина.

Что ты так долго? Князь тебя давно дожидается. *(Берет у дочери шляпку, зонтик, плащ и уходит.)*

Явление пятое

Дулебов и Негина.

Дулебов*(подходит и целует руку Негинной)*. Ах, моя радость, а я вас заждался.

Негина. Извините, князь! С бенефисом все хлопочу, такая мука... *(Задумывается.)*

Дулебов*(сидясь)*. Скажите, пожалуйста, мой дружок...

Негина*(выходя из задумчивости)*. Что вам угодно?

Дулебов. Как эта пьеса, что вы в последний раз играли?..

Негина. «Уриель Акоста».

Дулебов. Да, да... Прекрасно вы играли, прекрасно! Сколько чувства, благородства! Не шутя вам говорю.

Негина. Благодарю вас, князь.

Дулебов. Странные пьесы нынче пишут; не поймешь ничего.

Негина. Да она уж давно написана.

Дулебов. Давно? Чья же она, Каратыгина или Григорьева?

Негина. Нет, Гуцкова.

Дулебов. А! Гуцкова... знаю, знаю. Еще у него есть комедия, прекрасная комедия: «Русский человек добро помнит».

Негина. То Полевого, князь.

Дулебов. Ах да... я смешал... Полевого... Николай Полевой. Он из мещан... По-французски выучился самоучкой, ученые книги писал, всё с французского брал... Только он тогда заспорил с кем-то... с учеными или с профессорами... Ну, где же, возможно ли, да и прилично ли! Ну, ему и не велели ученых книг писать, приказали водевили сочинять. После сам был благодарен, большие деньги получал. «Мне бы, говорит, и не догадаться». Что вы так печальны?

Негина. Много хлопот, князь.

Дулебов. Вам, моя красавица, надо веселее быть, вам еще рано задумываться; старайтесь развлекать себя, утешать чем-нибудь. Вот мы сейчас с вашей матушкой говорили...

Негина. Об чем, князь?

Дулебов. Разумеется, о вас, мое сокровище, а то о чем же! Вот квартира у вас нехороша... Нельзя актрисе, хорошенькой девушке, в такой избе жить; это неприлично.

Негина*(несколько обидясь)*. Нехороша квартира? Ну, так что же? Я и сама знаю, что бывают квартиры лучше этой... Вам бы, князь, пожалеть меня, не напоминать мне о моей бедности; я и без вас ее чувствую каждый час, каждую минуту.

Дулебов. Да разве я вас не жалею? Я вас очень жалею, красавица моя.

Негина. Так вы жалеете про себя, ваше сиятельство! Мне нет никакой пользы от ваших сожалений, а слышать их неприятно. Вы находите, что моя квартира нехороша; а я нахожу, что она удобна для меня, и мне лучше не надо. Вам моя квартира не нравится, вам неприятно бывать в такой квартире, так ведь никто вас не принуждает.

Дулебов. Не горячитесь, не горячитесь, моя радость! Вы не дослушаете, да и сердитесь на человека, который вам предан всей душой... Так нельзя...

Негина. Извольте говорить, я слушаю.

Дулебов. Я человек деликатный, я никогда никого не оскорблю, я известен своей деликатностью. Я бы никогда не посмел осуждать вашу квартиру, если б не имел в виду...

Негина. Чего, князь?

Дулебов. Предложить вам другую, лучше гораздо.

Негина. За ту же цену?

Дулебов. Ну, какое вам дело до цены?

Негина. Я что-то не понимаю, князь.

Дулебов. Вот видите ли, мое блаженство, я человек очень добрый, нежный – это тоже всем известно... я, несмотря на свои лета, до сих пор сохранил всю свежесть чувства... я еще до сих пор могу увлекаться, как юноша...

Негина. Я очень рада; но какое же отношение имеет все это к моей квартире?

Дулебов. Очень просто. Разве вы не замечаете? Я люблю вас... Лелеять вас, баловать... это было бы для меня наслаждением... это моя потребность; у меня очень много нежности в душе, мне нужно ласкать кого-нибудь, я без этого не могу. Ну, подойдите же ко мне, мой птенчик!

Негина(встает). Вы с ума сошли!

Дулебов. Грубо, мой друг, грубо!

Негина. Да с чего вы вздумали? Помилуйте! Я вам никакого повода не подавала... Как вы осмелились выговорить?

Дулебов. Потихе, потихе, мой дружок!

Негина. Это что ж такое! Приехать в чужой дом и ни с того ни с сего затеять глупый, обидный разговор.

Дулебов. Потихе, потихе, пожалуйста! Вы еще очень молоды, чтобы так разговаривать.

Негина. Вот это мило! «Вы еще молоды»! Значит, молодых можно обижать, сколько угодно, и они должны молчать.

Дулебов. Да какая тут обида? В чем обида? Дело самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочного общества и осмеливаетесь осуждать почтенного человека! Что вы, в самом деле! Вы меня обижаете!

Негина(в слезах). Ах, Боже мой! Нет, это выше сил...

Дулебов. На все есть приличная форма, сударыня! В вас совсем нет благовоспитанности; не нравится вам мое предложение, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежелание учтиво или как-нибудь на шутку свести.

Негина. Ах, оставьте меня, пожалуйста! Не нужно мне ваших нравоучений. Я сама знаю, что мне делать, сама знаю, что хорошо, что дурно. Ах, Боже мой!.. Да не желаю я вас слушать.

Дулебов. Да что же вы кричите?

Негина. Отчего ж мне не кричать? Я у себя дома, кого ж мне бояться?

Дулебов. Прекрасно! Только вы помните, моя радость, я обиды не забываю.

Негина. Ну, хорошо, хорошо, буду помнить.

Дулебов. Извините, я думал, что вы девица благовоспитанная; я никак не мог ожидать, что вы от всякой малости расплачетесь и расчувствуетесь, как кухарка.

Негина. Да ну, хорошо; ну, я кухарка, только я желаю быть честной.

Домна Пантелевна показывается из двери.

Дулебов. И поздравляю вас! Только честности одной мало: надо быть и поумнее, и поосторожнее, чтобы потом не плакать. Билета мне не присылайте, я не поеду на ваш бенефис, мне некогда; а если вздумаю, так пошлю взять в кассе. *(Уходит.)*

Входит Домна Пантелевна.

Явление шестое

Негина и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Что такое? что тут у вас? Князь уехал? Уж не рассердился ли он?

Негина. Да пускай его сердится!

Домна Пантелевна. Что ты! Опомнись! Перед бенефистом-то? Да в уме ли ты?

Негина. Да ведь невозможно! Что он говорит! Кабы вы послушали!

Домна Пантелевна. А тебе что! Пускай говорит. От его слов тебя не убудет.

Негина. Да ведь вы не знаете, что он говорил; что ж вы мешаетесь не в свое дело?

Домна Пантелевна. Очень я знаю, очень прекрасно все это знаю, что мужчины говорят.

Негина. И можно это слушать равнодушно?

Домна Пантелевна. А что ж такое! Городи, сколько хочешь. Пусть его мелет в свое удовольствие, а ты, знай, посмеивайся!

Негина. Ах, не учите! Оставьте, пожалуйста! Я знаю, как вести себя.

Домна Пантелевна. Уж и видно, что знаешь: перед самым бенефистом побранилась ты с таким человеком!

Негина. Маменька, да разве вы не видите, что я расстроена? Я дрожу вся, а вы ко мне пристааете.

Домна Пантелевна. Нет, ты погоди! Ты выслушай от матери резон! Как же это перед бенефистом браниться, ежели которые люди тебе нужные?.. Не могла ты подождать-то? Ну, после бенефиста бранись, сколько хочешь, я тебе ни слова не скажу. Потому нельзя тоже им и волю давать; ограничить следует. Ах, мол, ты пугало огородное!..

Негина. Маменька, да довольно уж...

Домна Пантелевна. Нет, стой! А перед бенефистом ты должна была учтиво...

Негина. Да я и не бранилась, я только обиделась и сказала, чтоб он оставил меня в покое.

Домна Пантелевна. Вот и глупа, вот и глупа! Ты бы, как можно, старалась учтивее. «Мол, ваше сиятельство, мы всегда вами очень довольны и всегда вами благодарны; только подлостей таких мы слушать не желаем. Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете». Вот как надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво.

Негина. Что сделано, то сделано; нечего теперь об этом толковать!

Домна Пантелевна. Я вот и не ученая, да знаю, как с людьми разговаривать; а тебя еще учитель учит...

Негина. Что вы еще об учителе?.. Ведь не понимаете вы этого ничего, так нечего вам и мешаться не в свое дело.

Домна Пантелевна. Да чего понимать-то? Обнаковенно студент... Эка важность какая, скажите пожалуйста! Не барон какой-нибудь!.. Видали мы этого звания-то довольно. Только на разговоре их и взять... Голь на голи да голью погоняет. Только один форс, а сертучишка нет порядочного.

Негина. Что он вам сделал... ну, за что вы? За что вы и меня-то мучаете?

Домна Пантелевна. Ну, да как же, эка особа! И говорить про него не смей! Нет, матушка, никто мне не запретит, захочу вот, так и обругаю, в глаза обругаю. Самые что ни есть обидные слова подберу, да так-таки прямо ему и отпечатаю... Вот ты и знай, как с матерью спорить, как с матерью разговаривать.

Негина. Уйдите!

Домна Пантелевна. Вот еще: «Уйдите»! Да уходи сама, коли тебе со мной тесно.

Негина. Вон кто-то подъехал, кажется... Уйдите, маменька! Кому интересно наши с вами умные

разговоры слушать!

Домна Пантелевна. Так вот не уйду же. Ишь ты... Сама разобидит мать как нельзя хуже, да еще разные свои претензии представляет... «Умные разговоры». Не глупее я тебя с студентом-то с твоим, с лохматым.

Негина(*взглянув в окно*). Великатов! В первый раз к нам... а у нас тут...

Домна Пантелевна. Не беспокойтесь, сударыня, мамзель Негина, знаменитая актриса, обращение не хуже вас знаем... Только я тебе это припомню!

Негина. Смельская с ним.

Домна Пантелевна. Да-с, вот люди умеют же...

Негина. Какие лошади, какие лошади!

Домна Пантелевна. Смельская-то катается, а мы пешечком ходим.

Входят Смельская и Великатов.

Явление седьмое

Негина, Домна Пантелевна, Смельская и Великатов.

Домна Пантелевна. Пожалуйста, пожалуйста, Нина Васильевна!

Смельская. Здравствуйте, Домна Пантелевна! Гостя к вам привезла, Ивана Семеныча Великатова.

Великатов кланяется.

Домна Пантелевна. Ах, очень приятно познакомиться. Давно я вас знаю, в театре часто видала, а познакомиться не приводилось.

Смельская. Здравствуй, Саша! Я собиралась к тебе, уж и шляпку надела, а Иван Семеныч и заехал; ну, и увязался со мной. Ты не сердись? Она ведь у нас затворница.

Негина*(подаёт руку Великатову)*. Ах, что ты! Я очень рада. Вам бы давно догадаться, Иван Семеныч.

Великатов. Не смел, Александра Николавна; я человек робкий.

Смельская. Да, уж робкий - похоже!

Негина. Скажите лучше, гордый.

Домна Пантелевна. Вот уж это ты напрасно; Иван Семеныч человек обходительный со всеми, я сама это видала. Гордости этой в них совсем нет.

Великатов. Совсем нет, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Я люблю правду говорить.

Великатов. Я тоже, Домна Пантелевна.

Негина. Садитесь, Иван Семеныч!

Великатов. Не беспокойтесь, сделайте одолжение! У вас, вероятно, какие-нибудь дела есть; вы на нас не обращайтесь. Я с Домной Пантелевной побеседую. *(Садится у стола.)*

Негина и Смельская говорят шепотом.

Негина*(Смельской)*. Вот что, Нина...

Смельская. Неужели?

Негина. Да. Не знаю, что и делать.

Смельская. Как же быть-то? Да ты бы... *(Говорит шепотом.)*

Домна Пантелевна. Да что вы, в самом деле, шепчетесь? Нешто это учтиво?

Великатов. Не мешайте им! У всякого свои дела.

Домна Пантелевна. Какие дела! Всё пустяки. Ведь я знаю, про что говорят. О тряпках. Вот у них дела-то какие!

Великатов. Для нас с вами тряпки - пустяки, а для них - важное дело.

Домна Пантелевна. Платышка нет к бенефисту, да и денег-то.

Великатов. Ну, вот видите! А вы говорите, что пустяки. *(Взглянув в окно.)* Курочки-то это ваши?

Домна Пантелевна. Которые?

Великатов. А вон кохинхинские.

Домна Пантелевна. Нет, где уж нам кохетинских разводить! Были две гилянки да две шпанки, а петух русский; орел, а не петух – да всех разворовали.

Великатов. А вы любите курочек-то, Домна Пантелевна?

Домна Пантелевна. До страсти, батюшка, всякую птицу люблю.

Входит Мелузов.

Явление восьмое

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов и Мелузов.

Негина *(Великатову)*. Позвольте вас познакомить! Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатов.

Смельская. Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч – студент; он жених Сашин.

Великатов *(подавая руку)*. Очень приятно с вами познакомиться.

Мелузов. Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все.

Великатов *(почтительно)*. Совершенно справедливо: очень много говорится пустых фраз, я с вами согласен; но то, что я сказал, извините, не фраза. Мне приятно, что артистки выходят замуж за порядочных людей.

Мелузов. Да, коли так... благодарю вас! *(Подходит и горячо жмет руку Великатову.)*

Негина. Пойдем, Нина, я тебе покажу платье! Посмотри, можно ли из него сделать что-нибудь! *(Великатову.)* Извините, что мы вас оставляем! Но я знаю, что вам не будет скучно: вы будете разговаривать с образованным человеком, это не то, что с нами. Маменька, пойдете! Отоприте шкаф!

Уходят Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

Явление девятое

Великатов и Мелузов.

Великатов(заметив на столе книги). Книжки и тетрадки.

Мелузов. Да, учимся понемножку.

Великатов. И успехи есть?

Мелузов. Некоторые, так сказать, относительные.

Великатов. И того довольно. Времени у Александры Николавны мало: чуть не каждый день новая пьеса, надо и рольку подготовить, и о костюме подумать. Не знаю, как вы полагаете, а мне кажется, что это довольно затруднительно: учить и роли и грамматику вместе.

Мелузов. Да, удобств больших не представляет.

Великатов. По крайней мере есть стремление, есть охота, и то уж великое дело. Честь вам и слава.

Мелузов. Да за что же слава-то, например?

Великатов. За благородные намерения. Кому же в голову придет актрису грамматике учить!

Мелузов. Да вы смеетесь, может быть?

Великатов. Нисколько, помилуйте; я никогда себе не позволю. Я очень люблю молодых людей.

Мелузов. Уж будто?

Великатов. Очень люблю их слушать... это освежает душу. Такие благородные, высокие замыслы... даже завидно.

Мелузов. Чему же тут завидовать? Кто ж вам мешает иметь благородные, высокие замыслы?

Великатов. Нет, где же нам, помилуйте! Нас проза жизни одолела. И рад бы в рай, да грехи не пускают.

Мелузов. Какие же за вами грехи водятся?

Великатов. Тяжкие. Практические соображения, материальные расчеты – вот наши грехи. Постоянно вращаешься в сфере возможного, достижимого; ну, душа-то и мельчает, уж высоких, благородных замыслов и не приходит в голову.

Мелузов. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатов. А такие замыслы, в которых очень много благородства и очень мало шансов на успех.

Входят Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

Явление десятое

Великатов, Мелузов, Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

Смельская(Негиной). Все это, душа моя, не годится.

Негина. Я и сама вижу. Новое делать – будет очень дорого.

Смельская. Да как же быть-то! Ведь нельзя же... Поедемте, Иван Семеныч!

Великатов. К вашим услугам. *(Подает руку Негинной.)* Честь имею кланяться!

Негина. Какие у вас лошади! Вот бы прокатиться как-нибудь.

Великатов. Когда вам угодно, прикажите только. *(Подает руку Мелузову, потом Домне Пантелевне.)* Домна Пантелевна, мое почтение! А как вы на мою тетеньку похожи!

Домна Пантелевна. Да ужли?

Великатов. Ведь это удивительно... такое сходство... Чуть не назвал вас тетенькой.

Домна Пантелевна. Да зовите, за чем дело стало!

Смельская. Ну, едемте! Прощай, Саша! Прощайте! *(Кланяется всем.)*

Великатов(Домне Пантелевне). До свидания, тетенька!

Уходят Смельская и Великатов. Домна Пантелевна провожает их до двери.

Домна Пантелевна. Ах, прокурат! *(Негиной.)* А ты говоришь, он гордый! Ничего не гордый. Уж на что еще обходительнее. *(Уходит.)*

Явление одиннадцатое

Негина и Мелузов.

Негина(у окна). Как покатили! Что за прелесть! Счастливая эта Нина; вот характер завидный!

Мелузов обнимает ее.

Ах, медвежьи объятья!.. До смерти не люблю. Нет, Петя, оставь меня!

Мелузов. Саша, да ведь я от тебя еще ни одной ласки не видал. Хороши жених с невестой!

Негина. После, Петя, после. Дай мне немного успокоиться! Мне теперь не до того.

Мелузов. А коли не до того, так давай учиться!

Негина. Какое ученье! У меня бенефис из головы нейдет; платья нет, вот моя беда.

Мелузов. Не о платье же мы будем говорить, это не мой предмет; по этой части я в преподаватели не гожусь.

Негина. Ох, мне теперь не преподавание нужно, а деньги.

Мелузов. Ну, и по этой части я тоже швах. Вот получу место, запрягусь; тогда будем жить безбедно. Ну, что ж мы будем делать? А вот что, Саша: давай примемся за исповедь!

Негина. Ах, мне всегда это как-то неловко!

Мелузов. Ты меня стыдишься?

Негина. Нет, а как-то вот тяжело... неприятно.

Мелузов. Надо побороть в себе это неприятное чувство. Ведь ты меня просила учить тебя жить; ну, как же я стану тебя учить, не лекции же читать? А вот ты мне говоришь, что ты чувствовала, говорила и делала; а я тебе говорю, как надо чувствовать, говорить и поступать. Так ты постепенно и улущаешься и со временем будешь...

Негина. Что буду, милый мой?

Мелузов. Будешь совсем хорошей женщиной, такой, какой надо, как это нынче требуется от вашего брата.

Негина. Да, я тебе благодарна. Я уж и так много лучше стала, я сама это чувствую... А все тебе обязана, голубчик... Ну, изволь.

Мелузов(садится у стола). Садись со мной рядом!

Негина(садится подле, Мелузов обнимает ее одной рукой). Ну, вот слушай! Нынче утром заезжал ко мне князь Дулебов. Говорил, что у меня квартира нехороша, что так жить неприлично; ну, я немножко обиделась, сказала, что коли моя квартира ему не нравится, так никто его не принуждает бывать здесь.

Мелузов. Молодец, Саша! Далее!

Негина. Далее, предложил мне переехать на другую квартиру, хорошую.

Мелузов. Зачем это ему?

Негина. А затем, что у него очень много нежности в душе и что ему, видишь ты, ласкать некого.

Мелузов(хохочет). Вот силлогизм неожиданный! Так как мне ласкать некого, а ласкать нужно, то эта квартира нехороша, и вы должны переехать на новую квартиру. (Хохочет.) Ай да князь! Одолжил.

Негина. Ты вот смеешься, тебе весело, а я расплакалась.

Мелузов. Так и надо: мне смеяться, а тебе плакать.

Негина. Да почему же это?

Мелузов. Да ты подумай! Если бы от таких разговоров тебе очень весело было, а я бы заплакал, хорошо ли бы это было?

Негина(подумав). Да, уж это было бы очень нехорошо. Ах ты, головка! *(Гладит его по голове.)* Скажи мне, Петя, отчего ты такой умный?

Мелузов. Умный или нет, еще это вопрос; но что я умней многих вас, в этом нет сомнения. И умней оттого, что я больше думаю, чем говорю; а вы больше говорите, чем думаете.

Негина. Ну, теперь уж я тебе скажу самую сокровенную вещь... Только ты, пожалуйста, не сердись! Это уж наш порок женский. Я сегодня позавидовала.

Мелузов. Кому ты можешь завидовать, милая? В чем?

Негина. Да только ты не сердись! Смельской... что она так весело живет, катается на таких лошадях. Дурно, знаю, что дурно.

Мелузов. Зависть да ревность – опасные чувства: мужчины это знают хорошо и пользуются вашей слабостью. Из зависти да из ревности женщина много дурного способна натворить.

Негина. Знаю, знаю, видала примеры. Мне так это на минуту в голову пришло, я потом одумалась.

Мелузов. Надо уж что-нибудь одно, Саша. Мы с тобой хотим честную, трудовую жизнь вести, так об лошадях ли нам думать!

Негина. Да, конечно! Ведь и в трудовой жизни есть свои удовольствия, Петя? Ведь бывают?

Мелузов. Еще бы!

Негина. Ты у нас пообедай! После обеда я тебе роль почитаю, так и проведем целый день вместе. Будем привыкать к тихой семейной жизни.

Мелузов. Бесподобно!

Негина(прислушиваясь). Это что такое? Подъехал кто-то.

Входит Смельская с двумя свертками в руках.

Явление двенадцатое

Негина, Мелузов и Смельская.

Смельская. Вот, Саша, на! *(Подает один сверток.)* Это Иван Семеныч купил нам по платью. Это тебе, а это мне.

Развертывают и смотрят оба куска.

Мелузов. Да какое же он имеет право делать подарки Александре Николавне?

Смельская. Ах, оставьте, пожалуйста, ваши рассуждения! Ваша философия теперь не к месту. Это совсем не подарок, это он ей за билет в бенефис.

Мелузов. А вам за что?

Смельская. А вам какое дело! За то, что любит меня.

Негина. Именно то, что мне нужно, Нина. Ах, как мило!

Смельская. Ведь я выбирала; уж я знаю, что тебе требуется. Ну, едем, Саша, едем скорей!

Негина. Куда?

Смельская. Кататься, я на лошадях Ивана Семеныча, а потом обедать в вокзал. Он звал всю труппу, хочет проститься со всеми; он скоро уезжает.

Негина*(задумчиво)*. Право, не знаю.

Смельская. Да что ты, помилуй! Об чем тут думать! Разве отказаться можно? Должна же ты поблагодарить его.

Мелузов. Весьма любопытно, как вы поступите в этом случае?

Негина. Знаете, Петр Егорыч? Я думаю, что мне надо ехать, а то неучтиво. Можно вооружить против себя всю публику: князь уж сердится, да и Великатов может обидеться.

Мелузов. А когда же мы будем к тихой семейной жизни привыкать?

Смельская. Это уж после бенефиса, Петр Егорыч. Время ли теперь о семейной жизни думать. Это смешно даже. Еще семейная-то жизнь успеет надоеть; а теперь нужно пользоваться случаем.

Негина*(решительно)*. Нет, Петр Егорыч, я поеду. В самом деле, отказываться нехорошо.

Мелузов. Как вам угодно; это ваше дело.

Негина. Тут не в том дело, угодно ли мне; может быть, мне и неуютно, а необходимо ехать; конечно, необходимо, и рассуждать нечего.

Мелузов. Так поезжайте!

Смельская. Сбирайся, собирайся!

Негина. Я сейчас. *(Уходит за перегородку со свертком.)*

Смельская. Вы не ревновать ли вздумали? Так успокойтесь, он через день уезжает, да я и не уступлю его Саше.

Мелузов. «Не уступлю». Вы меня извините, я таких отношений между мужчинами и женщинами не понимаю.

Смельская. Да где же еще вам понимать! Ведь вы жизни совсем не знаете. А вот поживите между нами, так научитесь все понимать.

Входит Негина одетая.

Ну, едем! Прощайте! *(Уходит.)*

Негина. Петя, ты приходи вечером; мы будем учиться; я буду умница; я буду тебя слушаться всегда во всем, а теперь прости меня! Ну, прости, милый! *(Целует его и убегает.)*

Мелузов*(нахлобучивает шляпу).* Гм! *(Подумав.)* Зашагаем ко дворам! Ничего не поделаешь!

Негина.

Смельская.

Князь Дулебов.

Великатов.

Бакин.

Мелузов.

Нароков.

Гаврило Петрович Мигаев, антрепренер.

Ераст Громилов, трагик.

Вася, молодой купчик, приятной наружности и с приличными манерами.

Публика разного рода, более купеческая.

Городской сад. Направо от актеров задний угол театра (деревянного) с входной дверью на сцену; ближе к авансцене садовая скамья; налево, на первом плане, под деревьями, скамейка и стол; в глубине под деревьями столики и садовая мебель.

Явление первое

Трагик сидит у стола, опустив голову на руки; из театра выходит Нароков.

Трагик. Мартын, антракт?

Нароков. Антракт. А ты уж опять «за Уралом за рекой»?

Трагик. Где мой Вася? Где мой Вася?

Нароков. А я почем знаю.

Трагик. Мартын, поди сюда!

Нароков*(подходя)*. Ну, пришел сюда, ну, что?

Трагик. Деньги есть?

Нароков. Ни крейцера.

Трагик. Мартын... для друга! Велико это слово!

Нароков. Pas un sou; хоть вывороти карманы.

Трагик. Скверно.

Нароков. На что хуже.

Трагик*(покачав головой)*. О люди, люди!..

Молчание.

Трагик. Мартын!

Нароков. Что еще?

Трагик. Займи поди!

Нароков. У кого прикажете? Кредит-то у нас с тобой необширный.

Трагик. О люди, люди!

Нароков. Да, уж действительно «о люди, люди»!

Трагик. И ты, Мартын, возроптал?

Нароков. Какая-то гнусная, дьявольская интрига затевается.

Трагик*(грозно)*. Интрига? Где? Против кого?

Нароков. Против Александры Николавны.

Трагик*(еще грознее)*. Кто он? Где он? Скажи ему от меня, что он со мной будет иметь дело, с Ерастом Громиловым!

Нароков. Ничего ты не сделаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и так расстроен, а ты шумишь без толку. Мука мне с вами! У всех у вас и много лишнего, и многого не хватает. Я измаялся, глядя на вас. У комиков много лишнего комизма, а у тебя много лишнего трагизма; а не хватает у вас грации... грации, меры. А мера-то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты гороховые!

Трагик. Нет, Мартын, я благороден... Ах, как я благороден! Одно, брат Мартын, обидно, что благороден-то я только в пьяном виде... *(Опускает голову и трагически рыдает.)*

Нароков. Ну, вот и шут, ну, вот и шут!

Трагик. Мартын! Говорят, что ты сумасшедший; скажи мне, правда это или нет?

Нароков. Правда, я согласен; но только с одним условием: если вы все здесь умные, так я сумасшедший, я тогда спорить не стану.

Трагик. Знаешь, Мартын, на что мы с тобой похожи?

Нароков. На что?

Трагик. Ты знаешь Лира?

Нароков. Знаю.

Трагик. Так помнишь, там, в лесу, в бурю... Я - Лир, а ты - мой дурак.

Нароков. Нет, не заблуждайся, Лиров нет меж нами; а кто из нас дурак, это я предоставляю тебе самому догадаться.

Из театра выходит Негина.

Явление второе

Трагик, Нароков и Негина.

Негина. Что ж это такое, Мартын Прокофьич? Что они со мной делают?

Нароков(*хватаясь за голову*). Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня.

Негина. Да ведь это обидно до слез.

Нароков. О, не плачьте; они не стоят ваших слез. Вы белый голубь в черной стае грачей, вот они и клюют вас. Белизна, чистота ваша им обидна.

Негина(*сквозь слезы*). Послушайте, Мартын Прокофьич, ведь при вас, при вас, помните, он обещал дать мне сыграть перед бенефисом. Я жду, я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль перед бенефисом; а он, противный, что же делает! Назначает «Фру-Фру» со Смельской.

Нароков. Кинжал в грудь по рукоятку!

Негина. Устраивают ей оваии накануне моего бенефиса, подносят букеты; а меня публика и забыла совсем. Какой же у меня может быть сбор!

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Я стала ему говорить, он только шутит да смеется в глаза.

Нароков. Дерево он у нас, дерево, дуб, осина.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Мартын Прокофьич, вы только одни меня любите.

Нароков. О да, больше жизни, больше света.

Негина. Я вас понимаю и сама люблю.

Нароков. Понимаете, любите? Ну, вот я и счастлив, да, да... (*Тихо смеется.*) Как ребенок, счастлив.

Негина. Мартын Прокофьич, сделайте одолжение, поищите Петра Егорыча; скажите ему, чтобы он ко мне на сцену пришел.

Нароков. Я так счастлив, что с удовольствием позову и приведу к вам вашего любовника.

Негина. Он жених, Мартын Прокофьич, а не любовник.

Нароков. Все равно, все равно, голубь мой белый! Жених, муж; но если вы его любите, так он ваш любовник. Но я ему не завидую, я сам счастлив.

Негина. Да зайдите в кассу, узнайте, берут ли на мой бенефис. Я подожду вас в уборной; будем чай пить.

Нароков уходит.

Трагик. Коли с ромом, так и я буду.

Негина. Нет, без рому. (*Уходит на сцену.*)

Трагик. Где мой Вася? Где мой Вася? (*Уходит в глубину сада.*)

Входят князь Дулебов и Мигаев.

Явление третье

Дулебов и Мигаев.

Дулебов. Негина нам не годится, говорю я вам. Вы обязаны угождать благородной публике, светской, а не райку. Ну, а нам она не по вкусу, слишком проста, ни манер, ни тону.

Мигаев. Гардеробу не имеет хорошего, а талант большой-с.

Дулебов. Ну, талант! Много вы, мой милый, понимаете!

Мигаев. Действительно, ваше сиятельство, я понимаю не очень много, но ведь мы судим... извините, ваше сиятельство, по карману: делает сборы большие, так и талант.

Дулебов. Ну, да, конечно; вы материалисты.

Мигаев. Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сиятельство, мы материалисты.

Дулебов. Вы не понимаете этого... тонкого... как это сказать... этого шика.

Мигаев. Не понимаем, ваше сиятельство. Но позвольте вам доложить, я в прошлом году выписал знаменитость с шиком на великосветские роли...

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Убыток, ваше сиятельство. Ни красы, ни радости.

Дулебов. Красы не было? Ну, как это возможно сказать, как можно позволить себе сказать, что красы не было!

Мигаев. Виноват, ваше сиятельство. Краса, действительно, была: бывало, когда она одевается, так вся труппа подле уборной, кто в двери, кто в щелочки. Ведь у нас уборные прозрачные, ажур устроены.

Дулебов(хохочет). Ха, ха, ха! Вот видите! Ну, и радость тоже.

Мигаев. Так точно-с, и радость была... для вашего сиятельства, а для меня горе.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ты каламбурист.

Мигаев. Нельзя же без этого, всего есть понемножку, а то пропадешь; наше звание такое, ваше сиятельство.

Дулебов. Ты бы водевили писал. Извините, я вам говорю «ты»... Но это только знак расположения, мой милый.

Мигаев. А из чего же мы и бьемся, как не из расположения. Только осчастливьте, ваше сиятельство... А там «ты ли, вы ли» – это решительно все равно.

Дулебов. Нет, зачем же! Я учтив, я всегда деликатен. Так что же вы водевилей не пишете?

Мигаев. Пробовал, ваше сиятельство.

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Театрально-литературный комитет не одобряет.

Дулебов. Странно. Отчего же так?

Мигаев. Не могу знать, ваше сиятельство.

Дулебов. А вы в другой раз, коли напишете, так скажите мне. Я вам сейчас... у меня там... Ну, да что тут. Только скажите.

Мигаев. Слушаю, ваше сиятельство.

Дулебов. А я уж это сейчас... У меня там... Ну, да что толковать, только скажите... А я вам, вместо Негиной, выпишу актрису настоящую; и собой (*разводит, руками*) уж, мое почтение! Пальчики оближете.

Мигаев. Пальчики облизать, это ничего, это еще можно стерпеть, не пришлось бы кулаком слезы утирать, ваше сиятельство?

Дулебов. Ха, ха, ха! Вы каламбурист! Нет, право, пишите водевили, пишите, я советую. А актриса, я вам говорю, прелесть.

Мигаев. Цена, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, цена, конечно, подороже.

Мигаев. Из каких же доходов, ваше сиятельство? Где взять прикажете? И так год от году на них цена растет; а сборы все хуже да хуже. Платим жалованье, очертя голову, точно миллионщики. Разве исполу, ваше сиятельство?

Дулебов. Что такое «исполу»? Как так исполу?

Мигаев. Попролам, половину жалованья вы, половину я.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ну, пожалуй.... Ну, что такое Негина! Какая это первая актриса! С ней скучно, мой милый, она не оживляет общества, она наводит на нас уныние.

Мигаев. Что же делать! Уж если так угодно вашему сиятельству, так я с ней контракта не возобновлю.

Дулебов. Да, непременно.

Мигаев. У нее контракт кончается.

Дулебов. Ну, вот и прекрасно. Вся наша публика будет вам благодарна.

Мигаев. Да публики-то вашей, ваше сиятельство, только первый ряд кресел.

Дулебов. Зато мы даем тон.

Мигаев. Кабы не прогадать.

Дулебов. О нет, не беспокойтесь! Публика к ней охладела: вот посмотрите, в бенефис у ней совсем сбору не будет. Хотите пари?

Мигаев. Спорить не смею.

Дулебов. Да и нельзя со мной спорить; я лучше вас знаю публику и понимаю дело. А я такую актрису выпишу, что она здесь всех одушевит. Мы тогда заживем припеваючи.

Мигаев. Припеваючи? Волком бы не завывать, ваше сиятельство.

Дулебов. Ха, ха, ха! Нет, ты каламбурист, решительно каламбурист. Ах, извините! Это у меня, когда уж очень я разговорюсь, в дружеской беседе, а то я вообще деликатен... Я даже и с прислугой... *(Вынимает портсигар.)* Хочешь сигару?

Мигаев. Пожалуйста, ваше сиятельство. *(Берет сигару.)* Дорогие-с?

Дулебов. Я дешевых не курю.

Мигаев. А у меня горе, ваше сиятельство.

Дулебов. Что такое?

Мигаев. Трагик запил. Вон он бродит по саду.

Дулебов. А паспорт у него в порядке?

Мигаев. Когда ж у них в порядке бывают, ваше сиятельство.

Дулебов. Так можно пугнуть: что, мол, по этапу на место жительства.

Мигаев. Нет, уж пугать-то их, ваше сиятельство, не приходится: себе дороже.

Дулебов. А что?

Мигаев. Душа у них очень широка, ваше сиятельство. Мне, говорит, хоть в Камчатку, а ты – мерзавец! Да так он это слово, ваше сиятельство, выразительно выговорит, что не до разговоров, а только подумываешь, как бы ноги унести.

Дулебов. Да, в таком случае лучше лаской.

Мигаев. Уж и то ласкаю. Удивляются, ваше сиятельство, что укротители ко львам в клетку ходят; нас этим не удивишь. Я скорей соглашусь ко льву подойти, чем к трагику, когда он не в духе или пьян.

Дулебов. Ха, ха, ха! Однако задали они вам страху. Я пойду поищу своих. *(Уходит за театр.)*

Входит Трагик.

Явление четвертое

Мигаев и Трагик.

Мигаев(подавая сигару). Хочешь сигару?

Трагик. Грошовая? От тебя ведь хорошей не дождешься.

Мигаев. Нет, хорошая, княжеская.

Трагик. А что ж сам не куришь?

Мигаев. Да у меня свои-то лучше. *(Вынимает серебряный портсигар.)*

Трагик. Вот какой портсигар у тебя, а говоришь, денег нет.

Мигаев. Да, чудак, давно б я его заложил, да нельзя – дареный, в знак памяти, пуще глазу его берегу. Видишь надпись: «Гавриилу Петровичу Мигаеву от публики».

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Толкуй с тобой, коли ты резонов не понимаешь. Вон публика; должно быть, акт кончился. *(Уходит.)*

Трагик*(вслед ему).* Ефиоп! *(Садится к столу.)* О люди, люди! *(Опускает голову на руки.)*

Входят Дулебов, Великатов, Бакин и Вася.

Явление пятое

Трагик, Дулебов, Великатов, Бакин и Вася.

Бакин. Это прекрасно; так их и надо учить, вперед умнее будут. Я в кассу заходил, справлялся; собору четырнадцать рублей.

Вася. Капитал небольшой-с. Еще завтра поторгуют утром да вечером; оно и понаберется.

Бакин. Сто рублей. Больше не будет.

Вася. И то деньги-с.

Бакин. Не велики. Ведь, чай, и долгишки есть, за тряпочки за разные. Без этого актрисы не живут. *(Васе.)* Вам не должна?

Вася. Мы в кредит не отпускаем-с.

Бакин. Скрываете. Я это люблю, это очень приятно, когда общественное мнение так дружно высказывается. *(Великатову.)* Как вы полагаете?

Великатов. Совершенно согласен с вами.

Бакин. Она в лице князя оскорбила наше общество; а общество платит ей за это равнодушием, дает ей понять, что оно забыло о ее существовании. Вот когда придется ей зубы на полку положить, так и выучится приличному обхождению.

Вася. Чем же госпожа Негина оскорбила его сиятельство?

Бакин. Да вы знаете князя Ираклия Стратоныча? Вот он!

Вася. Как же нам не знать-с, и кто ж в наших палестинах не знает их сиятельства!

Дулебов. Да, мы с ним знакомы, я еще и отца его...

Бакин*(Васе).* Значит, вы знаете, что это за человек? Это человек в высшей степени почтенный, это наш аристарх, душа нашего общества, человек с большим вкусом, умеющий хорошо пожить, человек, любящий искусство и тонко его понимающий, покровитель всех художников, артистов, а преимущественно артисток...

Дулебов. Не довольно ли?

Бакин. Каждому по заслугам, князь. И кроме того, человек щедрый, гостеприимный, отличный семьянин. Господа, заметьте это! Это редкость в наше время. Ну, одним словом, человек почтеннейший во всех отношениях. Так я говорю?

Вася. Точно так-с.

Бакин*(Великатову).* Кажется, тут двух мнений быть не может?

Великатов. Совершенно с вами согласен.

Бакин. И этот, господа, почтеннейший во всех отношениях человек и отличный семьянин пожелал осчастливить своей благосклонностью девицу и именно Негину. Что тут дурного, я вас спрашиваю. Он очень учтиво говорит ей: «Хотите, душенька, идти ко мне на содержание?» А она изволила обидеться и расплакаться.

Дулебов. Нет уж, Григорий Антоныч, оставьте, сделайте одолжение!

Бакин. Почему же, князь?

Дулебов. Вы когда начнете хвалить кого-нибудь, так у вас выходит, что почтенный во всех отношениях человек оказывается совсем непочтенным.

Бакин. Как вам угодно. Я не знаю... я всегда говорю правду. Позвольте, князь, я продолжу немножко. Так, изволила видеть, госпожа Негина обиделась. Ей бы и в голову не пришло обижаться, по крайней мере своим умом ей бы никак до этого не дойти, потому что, в сущности, тут для нее нет ничего обидного. Оказывается постороннее влияние.

Дулебов. Да, я слышал.

Бакин. У этой барышни нашелся наставник, студент; значит, дело объясняется просто.

Дулебов. И в театр проникли.

Бакин. Знали бы свое дело, резали бы собак да лягушек; а то вздумали актрис просвещать. Ученая пропаганда между актрисами – дело опасное; против нее надо принять неотложные меры.

Дулебов. Конечно.

Бакин. Ну, как они просветят их в самом деле, куда ж нам тогда с князем деться?

Дулебов. Ну, уж довольно; прощу вас!

Бакин. Извольте, я кончил. (*Великатову.*) Вы, кажется, хотели уехать сегодня?

Великатов. Не всегда можно рассчитывать на верное. Я действительно хотел уехать сегодня; но теперь мне представляется одна операция, на которую я прежде не рассчитывал.

Бакин. Нажива манит?

Великатов. Это дело рискованное: можно и нажить, а очень легко и потерять.

Бакин. Хорошо бы сегодня поужинать вместе.

Великатов. Что ж, я не прочь.

Бакин. Князь, как вы?

Дулебов. Да, пожалуй, поедемте.

Бакин. Сойдемся здесь по окончании спектакля, да и поедем куда-нибудь! Теперь что там? Дивертисмент?

Вася. Рассказчик какой-то рассказывает.

Дулебов. Что ж, пойдите посмеетесь.

Бакин. Коли есть чему, прибавьте, князь.

Бакин, Дулебов и Великатов уходят.

Трагик. Где мой Вася?

Вася(*подходя*). Здесь Вася. Что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Да тебе что нужно-то от меня, говори скорее!

Трагик. Что нужно! Уважение нужно. Разве ты своей обязанности не знаешь?

Вася. Ну, подожди немножечко; уважу. Ведь уж долго ждал, так немножко-то подождать можешь. Я пойду рассказчика послушаю: все наши там. Ну, будь друг, не держи меня!

Трагик. Ступай! Я благороден.

Вася уходит.

Со сцены выходят Негина, Смельская и Мелузов; у него на руке плед и накидка Негинной.

Явление шестое

Трагик, Негина, Смельская и Мелузов.

Смельская. Да, Саша, твое положение очень неприятное, я понимаю; только я тут ни в чем не виновата. Ах, Саша, и я в большом затруднении.

Негина. Не может быть, какие у тебя затруднения! Я не верю. Тебе так легко, хорошо живется на свете.

Смельская. А вот видишь... *(Отводит Негину к стороне.)* За мной очень ухаживает князь.

Негина. Так что ж! Уж это твое дело.

Смельская. Конечно, мое дело, я это знаю; но мне и Великатова не хочется упустить.

Негина*(с некоторым волнением).* А разве Великатов тоже за тобой ухаживает?

Смельская. Он странный какой-то: каждый день бывает у меня, исполняет все мои желания, а ничего не говорит... Он робок, должно быть. Ведь бывают такие характеры. Как мне теперь поступить, уж я и не знаю. Показать князю холодность - наживешь врага; а Великатов, пожалуй, уедет завтра, и его потеряешь. Любезничать с князем будет и неблагодарно с моей стороны, да и Великатов мне гораздо больше нравится.

Негина. Еще бы! Конечно... Кому он не понравится!

Смельская. Ты находишь? А что я узнала про него! Ведь у него миллионное состояние; он только прикидывается таким простым. Уж и не знаю, что мне делать. Поверишь ли, Саша, измучилась.

Негина. Я ведь ничего не понимаю в этих делах; спроси вон Петра Егорыча.

Смельская. Что ты! А он-то что понимает? Он будет городить свою философию; нужно очень. И ты, милая Саша, напрасно его слушаешь! Не слушай, не слушай ты его, коли добра себе желаешь! Он тебя только с толку сбивает. Философия-то хороша в книжках; а он поживи-ка, попробуй, на нашем месте! Уж есть ли что хуже нашего женского положения! Ты домой, так пойдем!

Негина. Мне бы хотелось поговорить с Гаврилом Петровичем, я его дожидаюсь.

Смельская. Так и я подожду.

Подходят к Мелузову, который смотрит на Трагика.

Трагик*(поднимая голову, Мелузову).* Кто ты такой? Зачем ты здесь?

Негина. Он со мной пришел.

Трагик. Александра Николавна!.. Саша! Офелия! Зачем он здесь?

Негина. Это мой жених, мой учитель.

Трагик. Учитель! Чему же он тебя учит?

Негина. Всему хорошему.

Трагик*(Мелузову).* Ну, поди сюда!

Мелузов подходит.

Давай руку!

Мелузов подает руку.

Я сам тоже учитель, да, учитель. Что ты на меня смотришь? Я учу богатого купца.

Мелузов. А позволено ли мне будет спросить?..

Трагик. Спрашивай!

Мелузов. Чему, например, вы учите?

Трагик. Благородству.

Мелузов. Предмет серьезный.

Трагик. Я думаю, да-с... я думаю. Это не то, что твоя география какая-нибудь. Значит, мы с тобой учителя, ну, и прекрасно. По этому случаю пойдем в буфет, выпьем и, разумеется, на твой счет.

Мелузов. Ну, уж извините! На этом поприще я вам не товарищ, я не пью.

Трагик. Саша, Саша! Александра! К нам, к артистам, в храм муз, кого ты водишь с собой!

Мелузов. Да пойдете! Вы будете пить вино, а я стакан воды выпью.

Трагик. Пошел ты к черту! Уберите его! *(Опускает голову.)* Где мой Вася?

Входят Дулебов, Великатов, Бакин, Вася, за ними лакей из буфета с бутылкой портвейна и рюмками: несколько лиц из публики, которые остаются в глубине сцены.

Явление седьмое

Дулэбов садится на скамейку с правой стороны, с ним рядом садятся: Смельская, неподалеку от них Мелузов и Негина; к ним подходят с левой стороны Великатов и Бакин. Трагик сидит в прежнем положении, к нему подходят Вася и лакей из буфета, который ставит бутылку и рюмки на стол и отходит к стороне. Публика частью стоит, а частью садится за столики в глубине. Потом Мигаев.

Вася(Трагику, наливая рюмку вина). Покорнейше прошу, пожалуйста!

Трагик. Не проси, и так выпью. К чему много слов: «Покорнейше прошу, пожалуйста!» Скажи: пей! Видишь, как просто – всего только одно слово; а какая мысль глубокая.

Из театра выходит Мигаев.

Негина. Гаврило Петрович, пожалуйста сюда!

Мигаев(подходя к Негиной). Что вам угодно?

Негина. На сцене вы всё бегали от меня; я желаю теперь поговорить с вами здесь, при посторонних.

Мелузов. Да, интересно будет выслушать от вас мотивы ваших поступков.

Мигаев. Каких поступков-с?

Мелузов. Вы назначили бенефис Александры Николавны в самом конце ярмарки.

Мигаев. Самое лучшее время-с. По контракту я обязан дать бенефис госпоже Негиной во время ярмарки; но там не сказано, в начале или в конце; это уж мое дело-с.

Мелузов. Вы стоите на почве закона; это я понимаю. Но, кроме закона, существуют еще для человека нравственные обязанности.

Мигаев. Это какие же такие-с, и к чему весь этот разговор?

Мелузов. А вот послушайте: вы отодвинули бенефис до последнего дня, поздно выпустили афиши и не дали Александре Николавне сыграть перед бенефисом. Это ваши поступки.

Мигаев. Точно так-с.

Мелузов. Но Александра Николавна этого не заслужила, потому что в продолжение ярмарки доставляла вам всегда полные сборы, чего другие не делали. Вот и потрудитесь оправдать свое поведение.

Трагик. Ефиоп!

Мигаев. Сколько мне известно, вы у нас в театре не служите; а посторонним я в своих делах отчета не даю-с.

Дулэбов. Разумеется. Что за допрос! Он хозяин в театре, он поступает, соображаясь с своими расчетами и выгодами.

Мелузов. Тем не менее такие поступки называются неблагоприятными, и господин, позволяющий себе подобный образ действий, не имеет права считать себя честным человеком. О чем я и имею честь объявить вам перед публикой. И затем мы считаем себя удовлетворенными.

Мигаев. Как вам угодно-с, как вам угодно-с, мне все равно. У публики вкусы разные, на всех не угодишь: вам мои поступки не нравятся, а князь их одобряет.

Мелузов. Какое мне дело до князя! Нравственные-то законы для всех одинаковы.

Мигаев подходит к князю.

Бакин. Вот охота людям даром терять красноречие, проповедовать Мигаеву об честности! Уж это очень наивно. Честность он давно считает предрассудком, и для него разницы между честным и бесчестным поступком не существует, пока его не побили. А вот плюхи две-три влетит, тогда он задумается: должно быть, мол, я какую-нибудь мерзость сделал, коли меня бьют.

Трагик. Да и влетит, и дождетя, уж это я ему давно пророчу.

Мигаев(*подойдя к Негиной*). Значит, вы, госпожа Негина, изволите быть на меня в претензии?

Негина. Конечно. И вы еще спрашиваете.

Мигаев. В таком случае, что же вас заставляет служить у меня? Контракт ваш кончается.

Негина. Да, но ведь вы сами просили, чтоб я его возобновила.

Мигаев. Извините, передумал-с. По требованию публики, должен на ваше место пригласить другую артистку.

Негина стоит в изумлении.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Вы должны были предупредить меня заранее; у меня были приглашения от других антрепренеров; я всем отказывала, я верила вашему слову.

Мигаев. Словам-то вы напрасно верите. Мы за каждое свое слово отвечать никак не можем – мы зависим от публики и должны исполнять ее желания.

Негина. Куда же мне теперь, я и не знаю; вы меня поставили в такое положение...

Мигаев. Виноват-с. С другой бы артисткой я так и не сделал; но вы такой талант, для вас никакого ущерба не будет, вас везде примут с радостью.

Негина(*сквозь слезы*). Вы еще смеетесь надо мной... Но хорошо еще, что вы мне это сказали накануне моего бенефиса... Я завтра прошусь с публикой... которая меня так любит... Надо напечатать, что я играю в последний раз.

Вася. Мы и без афиш везде разблаговестим.

Негина(*Великатову*). Вы, Иван Семеныч, не уедете до завтра?

Великатов. Нет, еще не уеду-с.

Негина. Значит, будете в театре?

Великатов. Непременно.

Бакин. Только вы этого на свой счет не принимайте: он остается не для вашего бенефиса, у него еще не кончены дела – есть в виду какая-то операция.

Великатов. Действительно есть. Эта операция не секрет, господа; я ее не скрою от вас; я хочу купить бенефис у Александры Николаевны. Может быть, и наживу что-нибудь.

Негина. Как? Вы хотите купить мой бенефис? Вы не шутите? Это еще новая обида, новая насмешка надо мной?

Великатов. Нисколько не шучу. Как вы цените ваш бенефис, что вам угодно получить за него?

Негина. Я ни во что его не ценю; он ничего не стоит. Дай Бог, чтобы убытку не было.

Вася. Напрасно изволите беспокоиться: ваш бенефис очень можно купить-с.

Великатов. Сколько может получить бенефициант, если театр полон и цены большие? Ведь брал же кто-нибудь очень хорошие бенефисы?

Трагик(*ударя кулаком по столу*). Я.

Вася. Мы с ним в начале ярмарки триста пятьдесят рублей взяли.

Великатов. Угодно вам получить триста пятьдесят рублей?

Негина. Я не могу; это очень много, это подарок... Я не желаю подарков, это не в моих правилах.

Великатов. Как приятно слышать такие речи от молодой артистки! Сейчас видно, что у вас есть хороший руководитель, человек с честными, благородными убеждениями.

Вася. Да ничего не дорого, Александра Николавна, помилуйте-с! Уж коли Иван Семеныч берутся за это дело, так у вас завтра вся ярмарка будет. Я пятьдесят рубликов накину; угодно взять четыреста рублей?

Великатов. Нет, извините, я не уступлю, я предлагаю Александре Николавне пятьсот рублей.

Вася. Шабаш, дальше не пойду; цена настоящая.

Негина. Да что вы делаете, господа? Ведь у меня бенефис половинный, да еще расходы.

Вася. В убытке не будем-с; люди коммерческие; завтра к одиннадцати часам ни одного билета не останется. *(Великатову.)* Позвольте в долю войти! Пожалуйте два бельэтажа и дюжину кресел!

Великатов. Возьмите у кассира да скажите ему, чтобы он деньги за билеты, которые продал, и все оставшиеся билеты, исключая верхних, доставил мне сейчас же! Я здесь подожду.

Вася. Хорошо, я скажу-с. Извольте получить за два бельэтажа и двенадцать кресел. *(Отдает деньги.)*

Великатов*(принимает деньги)*. Тут сто рублей.

Вася. Так точно, в расчете-с. Позвольте, тут наших есть человека четыре, так, может, найдутся охотники; я сейчас сбегаю. *(Уходит в глубь сцены.)*

Великатов. Я еще не получил вашего согласия, Александра Николавна.

Негина*(Мелузову)*. Как мне поступить, Петр Егорыч? Я не знаю; как вы скажете, так я и сделаю.

Мелузов. И я не знаю: я в таких вопросах не компетентен. Покуда, кажется, все в законных формах. Соглашайтесь.

Негина*(Великатову)*. Я согласна, благодарю вас.

Великатов. Благодарить не за что, я наживу деньги: я должен вас благодарить.

Мигаев*(Дулебову)*. А вы, ваше сиятельство, пари предлагали.

Дулебов. Ну, кто же мог ожидать. Это совсем особенный случай.

Бакин*(Великатову)*. Мне билетик оставьте! Любопытное это будет зрелище.

Вася возвращается.

Вася. Билеты и деньги кассир сейчас принесет, только кассу подсчитает. Я еще взял десять кресел по пяти рублей. Извольте получить. *(Отдает Великатову 50 рублей.)*

Великатов. Не дорого ли это?

Вася. Ничего не дорого; сейчас четыре билета по пяти рублей продал, а завтра у меня пойдет первый ряд по десяти, да на подарок беру по десяти рублей с рыла.

Дулебов. Уж это надо быть совсем дураком, чтобы в провинциальном театре платить по десяти рублей за кресло.

Вася. Да уж в первом-то ряду, ваше сиятельство, у кассира только одно кресло осталось.

Дулебов. В таком случае, Иван Семеныч, оставьте его за мной.

Великатов. За десять рублей, князь?

Дулебов. Что ж делать, коли все с ума сошли.

Вася. Ну, Гаврило Петрович, закрывай лавочку! Как Александра Николавна уедет, тебе больше не торговать! Баста! Калачом в театр не заманишь. Так ты и ожидай!

Негина. Дайте мне пальто, Петр Егорыч! До свиданья, господа! Благодарю вас! Вы меня утешили, а уж я плакать собиралась; право, господа, так обидно, так обидно...

Мелузов подает ей пальто, Негина надевает его.

Трагик. Вася, спрашивай шампанского!

Вася. Да разве нужно?

Трагик. Да как же, чудак: ты поступил благородно, так надо тебя поздравить, братец.

Вася. Так давно бы ты сказал. Человек, бутылку шампанского!

Негина. Прощайте, господа!

Великатов. Позвольте вам предложить мою коляску.

Смельская. Предлагаете коляску и себя, конечно, в провожатые?

Великатов. Нет, зачем же! Александра Николавна поедет с своим женихом. *(Мелузову.)* Кстати уж и вас кучер завезет домой, а потом вы его пришлите.

Мелузов. Обо мне-то уж ваши заботы я считаю, извините, лишними. *(Закутывается пледом, Великатов ему помогает.)* Вы напрасно беспокоитесь, я привык обходиться без чужой помощи. Это мой принцип.

Великатов. Но его трудно выдержать: без взаимной помощи люди не обходятся.

Негина*(Великатову).* Вы такой благородный человек, такой деликатный... Я вам так благодарна, я не знаю, как и выразить... Я вас поцелую завтра.

Великатов. Очень буду счастлив.

Смельская. Завтра? Это долго ждать. *(Дулебову.)* Князь, а я вас поцелую сегодня, сейчас.

Дулебов. Готов служить, моя прелесть. Распоряжайтесь мной как угодно!

Смельская целует Дулебова.

Негина. Ну, прощайте, господа, прощайте! *(Посылает рукой поцелуи.)*

Трагик. Офелия! О нимфа! Помяни меня в твоих святых молитвах!

Негина.

Домна Пантелевна.

Великатов.

Бакин.

Мелузов.

Нароков.

Вася.

Трагик.

Матрена, кухарка Негиной.

Декорация первого действия. Вечер, на столе две свечи.

Явление первое

Матрена, потом Домна Пантелевна.

Матрена(у двери). Кто там?

За сценой голос Домны Пантелевны: «Это я, Матрена!»

Сейчас отпираю.

Входит Домна Пантелевна.

Киатра-то разошлась?

Домна Пантелевна. Нет еще, не совсем, с полчаса пройдет. Я нарочно пораньше; надо чай приготовить. Саша приедет, так чтобы ей не дожидаться. Самовар-то готов у тебя?

Матрена. Развела, гляди, зашумит скоро.

Домна Пантелевна. А зашумит, так прикрой.

Матрена. Что его прикрывать-то! Наш самовар и зашумит, так не скоро кипеть-то сберется; уж он поет-поет на разные голоса, надсажается-надсажается, а все толку мало; а раздувать примешься, так он хуже, ровно тебе на смех. У меня с ним брани немало бывает.

Домна Пантелевна. Измучилась я в театре-то: жара, духота, радехонька, что выкатилась.

Матрена. Да вестимо, летнее дело в четырех стенах сидеть; а народу, поди, много?

Домна Пантелевна. Полнехонек театр, как есть; кажется, яблоку упасть негде.

Матрена. Ишь ты! Чай, в ладоши-то трепали-трепали?

Домна Пантелевна. Всего было. Поди-ка, погляди самовар-то, да сberi в ее комнате! Постой-ка, кто-то подъехал. Саше бы еще рано.

Матрена отворяет дверь, входит Великатов. Матрена уходит.

Явление второе

Домна Пантелевна и Великатов.

Великатов. Здравствуйте, Домна Пантелевна!

Домна Пантелевна. Здравствуйте, Иван Семеныч! Что это вы вздумали...

Великатов. Дело есть, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Так до завтра бы. А то поздно, неловко как-то, у нас об эту пору мужчины не бывают.

Великатов. Не беспокойтесь, Домна Пантелевна, я Александру Николавну дожидаться не стану; а про нас с вами никто дурного не скажет.

Домна Пантелевна. Ах вы, проказник!..

Великатов. Стало быть, тетенька, вам и опасаться нечего.

Домна Пантелевна. Да какая я вам тетенька?

Великатов. А что ж, разве бы я в племянники вам не годился?

Домна Пантелевна. Да уж чего еще лучше! Совсем молодец, поискать эдакого красавца!

Великатов. А я вам, Домна Пантелевна, деньги привез за бенефис.

Домна Пантелевна. Вот благодарю, вот уж покорно благодарю! Самое это для нас нужное, самое необходимое; потому, Иван Семеныч, первое дело: долги. Как без них проживешь? Возможно ли?

Великатов. Невозможно, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Все мы люди.

Великатов. Все человеки, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Они, долги-то, у нас хоть и маленькие, а все-таки, ежели который человек с совестью, так беспокойство.

Великатов. Беспокойство, Домна Пантелевна, беспокойство. *(Передавая пакет с деньгами.)* Вот, отдайте Александре Николавне.

Домна Пантелевна. Благодарны, оченно вами благодарны, Иван Семеныч! Чаю не прикажете ли?

Великатов. Покорно благодарю; не могу, увольте от чаю, Домна Пантелевна! Как-то в душу ничего нейдет, особенно чай; так все, словно тоска какая-то, Домна Пантелевна; все, словно я не в себе.

Домна Пантелевна. Пахондрия.

Великатов. Действительно, Домна Пантелевна, пахондрия.

Домна Пантелевна. Денег много, а дела нет, вот она и привяжется.

Великатов. Как раз угадали; от этого от самого.

Домна Пантелевна. А то отчего ж бы вам тосковать-то.

Великатов. Это точно, что не от чего. А тоскую, Домна Пантелевна; вот и мечешься по ярмарке-то из трактира в трактир. Поверите ли, вот уж другую неделю все два раза в день пьян... Так думаю, Домна Пантелевна: либо это на меня напущено, либо уж Богу так угодно.

Домна Пантелевна. Одиночество.

Великатов. Одиночество, Домна Пантелевна; золотые ваши слова; и разговору больше нет, что одиночество.

Домна Пантелевна. Изберите подругу жизни!

Великатов. Где взять прикажете?

Домна Пантелевна. Женитесь, возьмите барышню хорошую; за вас всякая пойдет, хоша бы самого высокого роду.

Великатов. Боюсь, тетенька.

Домна Пантелевна. Что вы, помилуйте, чего бояться, что тут страшного?

Великатов. Скучнее станет.

Домна Пантелевна. Ах нет, это вы напрасно. Как же можно! Совсем разница женатый человек, нежели холостой.

Великатов. На фортепианах они очень любят играть; а я этого терпеть не могу.

Домна Пантелевна. Все-таки музыка. Ну, а холостому какое удовольствие? Окромья, что выпить с приятелями, никакой ему другой радости нет в жизни.

Великатов. А хозяйство, Домна Пантелевна? Как вы об этом скажете?

Домна Пантелевна. Ну, конечно, ежели кто хозяйство свое ведет...

Великатов. За мной этот грех водится. У меня в деревне домик хороший, комнат в сорок, лошадей довольно, садик разведен чуть не на версту, с беседками, с прудами...

Домна Пантелевна. Значит, все заведение вполне, как следует быть у хорошего помещика?

Великатов. Все вполне, Домна Пантелевна. Коли скучно, выдешь на крыльцо, индейские петухи по двору ходят, все белые.

Домна Пантелевна. Белые! Ах, скажите пожалуйста!

Великатов. Закричишь им: «Здорово, ребята!» Они тебе отвечают: «Здравия желаем, ваше благородие!»

Домна Пантелевна. Приучены?

Великатов. Приучены. Ну, и утешаешься. По крышам, по заборам павлины сидят, хвосты-то на солнышке так и играют.

Домна Пантелевна. И павлины? Ах, батюшки мои!

Великатов. Выйдешь в парк погулять, по озеру лебеди плавают, всё парочками, всё парочками, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Да неужто лебеди? Вот рай-то! Хоть бы глазком взглянула.

Великатов(взглянув на часы). Так мы хорошо, приятно с вами, тетенька, разговорились, что расставаться не хочется; поговорил бы и еще, да некогда, извините, дело есть.

Домна Пантелевна. Уж и я бы поговорила, такой вы для меня приятный... Этакого милого, обходительного человека я и в жизнь не видывала...

Великатов. От бенефиса вашего я, Домна Пантелевна, деньги нажил, так позвольте вам подарочек предложить. *(Уходит в переднюю и выносит сверток в бумаге и подает Домне Пантелевне.)*

Домна Пантелевна. Что же это такое?

Великатов. Платочек.

Домна Пантелевна(развернув бумагу). Да какой платочек, помилуйте – скажите, это целая шаль; я сроду такой и не нашивала. Да сколько ж она стоит-то?

Великатов. Не знаю, мне даром досталась: у купца у знакомого взял по-приятельски.

Домна Пантелевна. Батюшки, да за что же это? Право, уж я и не знаю, что мне... Да уж я вас поцелую, уж позвольте, родной мой... душа моя не вытерпит.

Великатов. Сделайте одолжение, сколько вам угодно.

Домна Пантелевна целует его.

Прощайте! Александре Николавне засвидетельствуйте мое почтение. Может быть, не увидимся.
(Уходит.)

Домна Пантелевна провожает его в переднюю, потом возвращается.

Домна Пантелевна. Откуда этакие люди берутся! Батюшки мои! (Надевает платок.) Да я его и не сниму теперь. (Смотрит в зеркало.) Барыня, ну, как есть барыня! Вот человек-то! А то что у нас за люди! Не глядели б глаза мои на них. Ведь вот есть же люди. (Прислушивается.) Кто там еще?

Входит Нароков с венками и букетами.

Явление третье

Домна Пантелевна и Нароков.

Нароков. Вот бери, на! Вот лавры твоей дочери! Гордись!

Домна Пантелевна. Эка невидаль! Куда нам эти веники-то! На что они!

Нароков. Невежество! Эти веники – знак восторга, знак признательности таланту за счастье, которое он доставляет. Лавры – это диплом на почет, на уважение.

Домна Пантелевна. Сколько небось истрачено на этот хворост! Лучше бы деньгами. Деньгам-то уж мы бы место нашли, а этот ворох... куда его? В печку, только и всего.

Нароков. Деньги-то ты проживешь, а это у тебя всегда на память останется.

Домна Пантелевна. Ну, да, как же, нужно очень всякий хлам беречь! Нынче же за окно выкину. Ты вот смотри! *(Показывает ему шаль и поворачивается перед ним.)* Вот это подарок! Мило, прелестно, деликатно.

Нароков. Ну, всякому свое, я тебе не завидую; вот дочери твоей завидую. Я себе несколько листиков на память возьму. *(Отрывает несколько листков.)*

Домна Пантелевна. Да хоть все бери, не заплбчу.

Нароков*(вынимает из кармана лист бумаги).* А вот это передай Александре Николаевне.

Домна Пантелевна. Что еще? Записка от кого-нибудь? Уж и так надоели с этими глупостями.

Нароков. Это от меня... это стихи... стихи... И я в Аркадии родился.

Домна Пантелевна. Где, Прокофьич, где?

Нароков. Далеко: ты там не бывала и не будешь никогда. *(Показывает Домне Пантелевне стихи свои.)* Вот видишь, бордюрчик: незабудки, анютины глазки, васильки, колосья. Видишь вот: пчелка сидит, бабочка летает... Я целую неделю рисовал.

Домна Пантелевна. Так ты бы сам и отдал.

Нароков. Стыдно. Вот смотри! *(Указывает на свою голову.)* Седая, лысая! А тут чувства молодые, свежие, юношеские, вот и стыдно. Вот, отдай! Да только ты не брось! Ведь ты грубая женщина, в тебе чувства нет. Для вас, грубых людей, удовольствие бросить, растоптать ногами все нежное, все изящное.

Домна Пантелевна. Да ну тебя! Ишь ты какой чувствительный. Не всем таким быть. Вот положи на стол; она приедет и увидит.

Нароков*(кладет бумагу на стол).* Да, я чувствительный, я чувствительный. Прощай! *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Вот сумасшедший-то! А ничего, добрый, я его не боюсь. Другие хуже чуют: кто посуду бьет, кто на людей мечется, кто кусается, а этот смирный. Подъехал кто-то. Вот это Саша, должно быть. *(Идет к двери.)*

Входит Негина с букетом и коробочкой в руках.

Явление четвертое

Домна Пантелевна и Негина.

Негина (*кладет букет и коробочку на стол*). Ох, устала! (*Садится у стола.*)

Домна Пантелевна. Извозчика-то отпустить?

Негина. Нет, зачем! Я вот отдохну, да прокатиться поедемте, подышать свежим воздухом. Еще не поздно. Ведь он на весь вечер нанят.

Домна Пантелевна. И то, что ж, пусть подождет; не задаром же деньги-то платить!

Негина. Что это на вас за шаль?

Домна Пантелевна. Великатов подарил; от бенефиста, говорит, деньги нажил. А что, хороша?

Негина. Отличная шаль, дорогая.

Домна Пантелевна. Он говорит, что даром досталась.

Негина. Верьте вы ему! Он все так говорит. Так он был здесь?

Домна Пантелевна. Да, заезжал и деньги привез.

Негина. Что ж он со мной не повидался?

Домна Пантелевна. Не знаю, торопится куда-то, уж не уезжает ли.

Негина. Может быть. Какой он странный, не поймешь его никак. (*Задумчиво.*) А вот этакий мужчина, кабы захотел, кажется, сразу мог бы увлечь женщину.

Домна Пантелевна. Ну, да что уж толковать! Да и не осудишь женщину-то. Как ее осудить! Сердце-то не камень; а таких молодцов немного, пожалуй, другого-то такого и всю жизнь не встретишь. Смиренничай да смиренничай и проживешь всю свою жизнь так, ни за что; и вспомнать будет нечем. Он мне про свою усадьбу рассказывал. Какое у него хозяйство диковинное!

Негина. Что ж мудреного; он очень богат.

Домна Пантелевна. Ты чаю не хочешь ли?

Негина. Нет, погодите немного. (*Взглянув на стол.*) А это что такое?

Домна Пантелевна. Это Прокофьич принес тебе на знак памяти.

Негина (*рассматривая бумагу*). Ах, как мило! Какой он добрый, милый старик!

Домна Пантелевна. Да, добрый, хороший человек; да вот опанкрутился и свихнулся. Ну, как же мы с тобой теперь об деньгах рассудим?

Негина. Что рассуждать-то! Прежде всего надо долги заплатить, а что останется, на то и жить.

Домна Пантелевна. Да немного останется-то, не разживешься.

Негина. Да, теперь труднее будет, без жалованья-то. А куда поедешь, кого я знаю? Опять же гардеробу у меня нет.

Домна Пантелевна. Сотни две, а то и полторы, больше не останется, вот ты их и повертывай, как знаешь. Надо на них все лето прожить. По три денежки в день, куда хочешь, туда день. Осенью-то нас в Москву зовут, там актрисы, чу, нужны стали.

Негина. Бросить разве сцену да выйти замуж – так Петр Егорович еще места не нашел. Кабы работать что-нибудь.

Домна Пантелевна. Ну вот еще, бросить сцену! Ты вот в один день получила, чего в три года не выработаешь.

Негина. Много мы получаем, да и проживать много надо.

Домна Пантелевна. Эх, как ни кинь, Саша, а все жизнь-то наша с тобой не сладка. Уж, признаться сказать, надоело нищенство-то.

Негина. Надоело... да... надоело... Я думала, думала, да уж и думать перестала. Ну, утро вечера мудренее, завтра потолкуем.

Домна Пантелевна. Само собой; а теперь давай чай пить. *(Прислушивается.)* Кого это еще Бог несет?

Входит Бакин.

Явление пятое

Негина, Домна Пантелевна и Бакин.

Бакин. Я к вам чай пить, Александра Николавна!

Негина. Ах, извините, я не могу вас принять, я очень устала, мне надо отдохнуть, я хочу одна быть, успокоиться.

Бакин. Ну, полчаса, ну что такое полчаса!

Негина. Право, не могу, я так измучена.

Бакин. Ну, я зайду минут через десять или через четверть часа, вы успеете отдохнуть.

Негина. Нет, нет, сделайте одолжение! Завтра приезжайте, ну когда хотите, только не сегодня.

Бакин. Александра Николавна, я как-то не люблю изменять свои намерения, мне всегда хочется исполнить то, что я задумал, и, с моей настойчивостью, мне удастся.

Негина. Очень рада, что вам удастся, но, извините, я вас оставляю, я очень устала.

Бакин. Ну, уходите, а я здесь останусь, в этой комнате, на этом стуле всю ночь просижу.

Негина. Ну, перестаньте шутить! Довольно уж.

Бакин. Не верите? Так я вам докажу, я человек решительный.

Домна Пантелевна. И я, батюшка, женщина решительная, я ведь и караул закричу.

Бакин(Негиной). Послушайте, вы боитесь, что меня у вас застанет кто-нибудь.

Негина. Никого и ничего я не боюсь.

Бакин. Все ваши обожатели теперь ужинают в вокзале, и князь, и Великатов, и Смельская с ними, и просидят там до утра.

Негина. Да что мне за дело!

Бакин. А жених ваш спит, вероятно; да я и не верю, что вы его любите.

Негина. Ах, Боже мой, это невыносимо! Я вас и не уверяю ни в чем.

Бакин. Вы его держите при себе только для защиты от ухаживанья, а понравится вам кто-нибудь, ведь вы его бросите, это всегда так бывает.

Негина. Ну, хорошо, хорошо.

Бакин. Вы уж очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати? Перед вами человек образованный, обеспеченный... Что я не ухаживаю за вами, не говорю нежностей, не объясняюсь в любви, так это не в моих правилах. Мы не дети, зачем нам притворяться! Будем говорить как совершеннолетние.

Негина. Прощайте. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Ну, батюшка, поговорили, да и будет. Пора людям покой дать! А то коли хотите разговаривать, так говорите со мной, я за словом в карман не полезу.

Бакин(громко). А я все-таки еще зайду. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна. Запру сени, уж теперь никого не пущу, хоть умирай там. *(Уходит.)*

За сценой слышен крупный разговор. Выходит Негина.

Негина. Что там такое?

Входят Домна Пантелевна, Вася с бутылкой шампанского и Трагик.

Явление шестое

Негина, Домна Пантелевна, Вася и Трагик.

Домна Пантелевна. Вот беспутные, право, беспутные! Насильно вломились, никаких резонтов не слушают.

Вася. Да нельзя, Домна Пантелевна, надо же здоровье Александры Николавны выпить; уж проминовать этого дела никак невозможно. А что ж такое! Мы честно, благородно, со всем нашим уважением! Никакого безобразия, помилуйте!

Трагик. Еще бы! Коли я тут.

Негина. Да напрасно вы беспокоитесь, я пить не стану.

Вася. Это как вам угодно-с. Нам больше останется, мы и одни выпьем. *(Кричит за перегородку.)* Милая, умница, дай-ка стаканчиков!

Домна Пантелевна. Да давай уж, я откупорю. *(Берет бутылку и уходит.)*

Трагик*(Негиной).* Ты говоришь, что пить не станешь; а вот я посмотрю, как ты у меня не выпьешь!

Вася. Неволить не надо-с.

Трагик. Я неволить не стану, я буду просить.

Выходит Домна Пантелевна, ставит бутылку и стаканы на стол.

Вася*(наливает).* С вас и начинать, по старшинству-с.

Домна Пантелевна. Не знаю, пить ли, боюсь, захмелею.

Вася. А что ж такое! Чего бояться-то? Дело к ночи-с. Хоть и захмелеете, не велика беда. Мы вот с ним этого не боимся.

Домна Пантелевна*(берет стакан)* Ну. Саша, поздравляю тебя! *(Пьет.)*

Вася*(подносит стакан Негиной).* Теперь позвольте вас просить.

Негина. Уж я сказала, что не буду пить.

Вася. Нельзя-с, за что ж обижать? Мы со всем расположением. Хоть половину-с!

Трагик*(падая на колени).* Саша, Александра! Ты смотри, кто тебя просит! Смотри, кто у ног твоих! Громилов, сам Ераст Громилов!

Негина. Ну, извольте, я немного выпью, только уж больше ни за что не стану. *(Пьет.)*

Вася*(помогая Трагику подняться).* Сколько угодно-с. *(Берет стакан.)* Остальное мы допьем и ваши мысли узнаем. *(Наливает стаканы.)* Теперь мы выпьем-с. *(Подает стакан Трагику.)*

Трагик. Поздравляй за двоих, у меня сегодня красноречие не в порядке.

Вася. Честь имею поздравить с успехом-с. Сто лет жизни и миллион денег-с!

Чокаются с Трагиком и пьют.

Трагик*(подавая стакан).* Наливай еще!

Вася наливает, Трагик пьет.

Вся?

Вася(показывая бутылку). Вся.

Трагик. Ну, поедем!

Вася(Негиной). Прощенья просим! Пожалуйста ручку-с! Извините за невежество-с! Спасибо этому дому, теперь пойдём к другому.

Уходят.

Домна Пантелевна. Вот путаники! Точно их вихрем по городу-то носит. Теперь уж запру, одолели.
(*Уходит и скоро возвращается.*)

Явление седьмое

Негина, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Ну, уж теперь давай чай пить!

Негина. Я выпью с удовольствием.

Домна Пантелевна(*у перегородки*). Матрена, налей-ка нам по чашечке. (*Негиной.*) Дай-ка подарок-то!

Негина(*подавая коробочку*). Да ведь вы видели, серьги и брошка.

Домна Пантелевна. Да я убрать хочу. Ведь тоже не малых денег стоит. (*Прячет в карман.*) Тем эти вещи хороши и приятны, что, случись нужда, сейчас и заложить можно. Не то что вот эти венники.

Матрена приносит две чашки чаю и уходит.

Негина(*прихлебывая чай*). А какой мне букет Великатов поднес. Посмотрите!

Домна Пантелевна. Ну, что букет! Букет как букет. Даром деньги брошены, я так считаю. (*Пьет чай.*)

Негина. Нет, вы посмотрите! Цветы всё дорогие, и где он их взял?

Домна Пантелевна(*рассматривая букет*). Да, хорош, уж нечего сказать. (*Находит записку.*) А это что ж такое?

Негина(*читает про себя записку*). Ах, ах!

Домна Пантелевна. Что такое?

Негина(*хватаясь за голову*). Ах нет, погоди! У меня другая есть. А я и забыла. (*Достает из кармана записку.*) Это от Петра Егорыча, он мне на подъезде дал. (*Читает про себя.*)

Домна Пантелевна. Читай вслух! Что еще за секреты от матери!

Негина(*читает*). «Да, милая Саша, искусство не вздор, я начинаю понимать это. Сегодня в игре твоей я нашел так много теплоты и искренности, что, просто тебе сказать, пришел в удивление. Я очень рад за тебя. Это редкие и дорогие качества души. После спектакля у тебя, вероятно, будет кто-нибудь; при твоих гостях я всегда чувствую что-то неприятное, не то смущение, не то досаду, и вообще мне как-то неловко. Все они смотрят на меня или враждебно, или с насмешкой, чего я, как ты сама знаешь, не заслуживаю. По всем этим соображениям я после театра к тебе не зайду, но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я там подожду тебя. Конечно, я мог бы зайти к тебе и завтра утром; но извини, душа полна через край, сердце хочет перелиться...» (*Оттирает слезы.*)

Домна Пантелевна. Ну-ка, прочти другое-то!

Негина. Да нет, маменька, не нужно, стыдно!

Домна Пантелевна. Ну, вот еще, стыдно! Мало ли ты получаешь записок, которые читать стыдно, да ведь читаешь ты их мне.

Негина. Ну, мама, соберись с силами. (*Читает.*) «Я полюбил вас с первого взгляда. Видеть и слышать вас для меня невыразимое наслаждение. Извините, что я объясняюсь с вами на письме: по врожденной робости я никогда не осмелился бы передать вам мои чувства словами. Теперь мое счастье от вас зависит. А счастье мое, о котором я мечтаю, обожаемая Александра Николаевна, вот какое: в моей усадьбе, в моем роскошном дворце, моих палатах есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная с меня, рабски повинуется. Так проходит лето. Осенью мы с очаровательной хозяйкой едем в один из южных городов; она вступает на сцену в театр, который совершенно зависит от меня, вступает с полным блеском; я наслаждаюсь и горжусь ее успехами. О дальнейшем я не мечтаю, проживем – увидим. Не сердитесь за мои мечты, мечтать каждому позволительно. Приговор мой я прочту завтра в ваших глазах, если вы меня примете; если же не

примете, я с разбитым сердцем, но безропотно удалюсь, наказанный вашим презрением за мою дерзость. Ваш Великатов». (*Сквозь слезы.*) Мама, да что же это такое? Что он, противный, пишет? Кто ж это ему позволил?

Домна Пантелевна. Что позволил?

Негина. Да так... полюбить меня.

Домна Пантелевна. А разве на это спрашивается позволение-то, глупая!

Негина. Так бы вот и убила его.

Молчание.

Домна Пантелевна(*в задумчивости*). Лебеди... Лебеди, говорит, плавают на озере.

Негина. Ах, да что мне за дело!

Молчание.

Домна Пантелевна. Саша, Сашутка, ведь никогда еще мы с тобой серьезно не говорили; вот он серьез-то начинается. Живешь, бедствуешь, а тут богатство! Ах, батюшки мои, какая напасть! Вот соблазн-то, вот соблазн-то! Уж не дьявол ли он, прости Господи, тут подвернулся? В самый-то вот раз... только что мы про свою нужду-то раздумались. Ну, как есть дьявол. А уж что ласки-то в нем, что этой всякой добродетели! Да давай же говорить о деле-то серьезно, вертушка!

Негина. «Серьезно», об таком-то деле серьезно! Да за кого ж вы меня принимаете! Разве это «дело»? Ведь это позор! Ты помнишь, что он-то говорил, он, мой милый, мой Петя! Как тут думать, об чем думать, об чем разговаривать! А коли есть в тебе сомнение, так возьми что-нибудь, да и погадай! Ведь я твоя. Чет или нечет, вот и конец. (*Берет записку Мелузова.*)

Домна Пантелевна. Да что ты! Как я могу!.. Это твое дело. Да сохрани меня господи! Да меня и Бог и люди...

Негина(*дочитывает записку Мелузова*). «Но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я подожду тебя». Ах, бедный, бедный! Как я его мало любила! Вот когда я чувствую, что люблю его всей душой. (*Берет письмо Нарокова.*) Ах, вот и это! И это надо сохранить на всю жизнь! Уж так меня никто любить не будет. Дайте-ка шаль! Я пойду.

Домна Пантелевна. Куда ты? Куда ты? Что ты!

Негина. Ах, оставьте, не ваше дело!

Домна Пантелевна. Как не мое! Да и ты-то моя.

Негина. Ну, я ваша, что хотите со мной делайте; да душа у меня своя. Я к Пете. Ведь он меня любит, он меня жалеет, он нас с вами добру учил.

Домна Пантелевна. Да как же дело-то? Уж скажи что-нибудь!

Негина. Ах, дело, дело! Ну, завтра, завтра, оставим до завтра. А теперь не мешайте мне. Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и, может быть, завтра уж не буду. На душе у меня теперь очень хорошо, очень честно, не надо этому мешать.

Домна Пантелевна. Ну, ну, как хочешь, как хочешь.

Негина(*покрываясь шалью*). Я не знаю, может быть, сейчас ворочусь, может быть, до утра... Но чтоб ни словом, ни взглядом...

Домна Пантелевна. Да что ты, разве я не мать тебе, разве я не женщина! Не понимаю я нешто, что мешать тебе нельзя; души, что ль, у меня нет?

Негина. Ну, я иду.

Домна Пантелевна. Да постой, покройся хорошенько, не простудись! Эко сердце-то у тебя

золотое. А я все-таки запираю не стану, буду чай пить да тебя поджидать.

Негина уходит. Домна Пантелевна уходит за перегородку. Сцена несколько времени пуста, потом входит Бакин.

Явление восьмое

Бакин один.

Бакин. Никого нет, а дверь не заперта, и какая-то тень проскользнула мимо меня – это она; но куда, к кому? Если к жениху, так незачем, он и сюда может прийти. Вероятно, пошла погулять в сад, подышать свежим воздухом. Я ее здесь подожду; ну, не прогонит же она, все-таки позволит хоть с полчаса посидеть. Я подержал пари с Великатовым, что буду у ней чай пить и посижу до утра. Проиграть не хочется. Я хотел его уведомить, примет она меня или нет. А! Так я вот что сделаю: я pošлю кучера сказать, что я здесь остался. Если прогонит, то я прошатаюсь где-нибудь до света. *(Отворяет окно.)*

В это время входят Мелузов и Негина, которая проходит за перегородку.

Иван, поезжай в вокзал, скажи, что я здесь остался.

Явление девятое

Бакин и Мелузов.

Мелузов. Нет, вы не останетесь здесь. Велите кучеру подождать, вы сейчас выйдете! Что же вы? Ну, так я прикажу. *(В окно.)* Иван, останься! Барин сейчас выйдет.

Бакин. Какое право вы имеете распоряжаться в чужой квартире? Я вас не знаю и знать не хочу.

Мелузов. Нет, позвольте, зачем вы лжете? И лжете с дурным намерением. Вам хочется ославить девушку?

Бакин. «Ославить»? Визит после театра разве значит «ославить»? Ну, что вы знаете!

Мелузов. Хорошо; да зачем посылать кучера объявлять, что вы здесь остались?

Бакин. Вы посетитель райка, разве вы можете понимать отношения между артистками и той публикой, которая занимает первые ряды кресел!

Мелузов. Я вот что понимаю: что вы, посетитель первого ряда кресел, уйдете отсюда, а я, посетитель райка, останусь здесь.

Бакин. Вы здесь останетесь?

Мелузов. Да, останусь.

Бакин. Вот это хорошо! По крайней мере, я сделал открытие, которым могу поделиться...

Мелузов. С кем угодно.

Бакин. Впрочем, вы, может быть, сгоряча-то, немножко прихвастнули?

Мелузов. Нет, уж будьте покойны, я останусь.

Входит Негина, одетая в пальто.

Явление десятое

Бакин, Мелузов и Негина.

Негина*(кладет Мелузову руку на плечо)*. Да, он останется.

Мелузов. Ну, теперь сомнения ваши кончились; значит, вам остается только одно...

Негина. Удалиться.

Мелузов. И чем скорее, тем лучше.

Бакин. Лучше, лучше! Я сам знаю, что мне лучше.

Мелузов. Нет, не знаете, вы мне не дали договорить. Скорее уйти вам потому лучше, что можете уйти в дверь, а если долго будете собираться, тогда отправитесь в пространство посредством окна.

Негина*(обнимая Мелузова)*. Ах, милый!

Бакин. Ну, молодой человек, запомните вы это! *(Уходит.)*

Негина. Ах, милый Петя, голубчик мой, поедem сейчас кататься на всю ночь: лошади здесь.

Мелузов. Куда, Саша?

Негина. Куда хочешь, куда только тебе угодно, все, все в твоей воле вплоть до утра. Мама, прощай, запирай дверь! Мы едем.

Мелузов и Негина уходят.

Негина.

Домна Пантелевна.

Дулебов.

Смельская.

Великатов.

Бакин.

Мелузов.

Нароков.

Вася.

Трагик.

Обер-кондуктор.

Кондуктор.

Человек, служащий в вокзале.

Разного рода пассажиры и вокзальная прислуга.

Вокзал железной дороги, зала для пассажиров 1-го класса; направо от актеров дверь в виде арки, ведущая в другую залу; прямо стеклянная дверь, за ней видна платформа и вагоны; на середине, поперек комнаты, длинный стол, на нем приборы, бутылки, канделябры и ваза с цветами.

Явление первое

Трагик сидит у стола. Потом человек. С платформы слышны голоса: «Станция. Город Бряхимов, поезд стоит двадцать минут, буфет»; «Бря- химов! Поезд стоит двадцать минут, буфет».

Трагик. Где мой Вася? Человек! *(Стучит по столу.)*

Человек входит.

Человек. Что прикажете?

Трагик. Где мой Вася?

Человек. Да помилуйте, который раз уж вы спрашиваете! Почем же мы знаем.

Трагик. Ну, так поди вон, братец!

Человек уходит.

Где мой Вася?

Входит Вася.

Явление второе

Трагик и Вася.

Вася. Ну, вот Вася, ну, что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Вот еще! Стало быть, дело есть. Ты говори, что тебе нужно!

Трагик. Чего мы, братец, с тобой сегодня не пили?

Вася. Чего? Да уж, кажется, все, кроме купоросу. А вот что! Довольно бы, перегодим!

Трагик. Да ты любишь меня или нет?

Вася. Ну, вот еще разговаривать-то.

Трагик. За что ты меня любишь?

Вася. За то, что у нас в доме безобразия, а ты талант. Ну, и кончен разговор. Только послушай! Что все вино да вино! Дадим ему отдохнуть немножко.

Трагик. Ну, пусть его отдохнет.

Вася. Я приказчика отправляю в Харьков, так нужно растолковать ему все как следует. Пойдем в третий класс, разгуляйся малость!

Трагик. Ну, пойдем. *(Встает.)*

Идут к двери, навстречу им из другой залы выходят Нароков и Мелузов.

Явление третье

Трагик, Вася, Нароков и Мелузов.

Нароков (*останавливая Васю*). Пойдите, пойдите! Вот вам мои часы. (*Снимает с себя карманные часы и отдает Васе.*)

Вася. Да на что мне твои часы, Мартын Прокофьевич?

Нароков. Дайте мне десять рублей, дайте, прошу вас!

Вася. Да часов-то мне твоих не надо, чужак человек.

Нароков. Сделайте милость, сделайте милость! Мне крайность.

Вася. А коли крайность, я тебе и так поверю.

Нароков. Не надо, не надо. Возьмите часы: я их выкуплю, они дорогие; я их скоро выкуплю.

Вася. Да на что тебе деньги? Скажи, откройся!

Нароков. Ах, за что вы меня мучаете? Скажите мне, дадите вы или нет?

Вася. Любопытно, братец, что у тебя за дела, что за коммерция.

Нароков. Извините, что побеспокоил. Не надо мне.

Вася. Да изволь, изволь. (*Прячет часы в карман и достает из бумажника деньги.*) На вот, получай! Процентом не возьму, не бойся.

Нароков (*берет деньги и жмет руку Васе*). Благодарю вас, благодарю, вы меня выручили.

Вася и Трагик уходят в другую залу.

Мелузов. Их нет и здесь; вы ошиблись, должно быть.

Нароков. Нет, знаю, знаю, да и сердце мне говорит, что она уезжает. Вы видите, что я еще не могу прийти в себя.

Мелузов. Да, невероятно. Зачем же ей скрывать от меня, зачем меня обманывать! Сегодня утром я получил от нее записку вот какого содержания. (*Вынимает записку и читает.*) «Петя, нынче ты не приходи к нам, сиди дома, жди меня, я сама зайду к тебе вечером».

Нароков. Да, непонятно; но они уезжают, это верно. Я заходил к ним, меня не пустили. Вышла Домна Пантелевна и закричала на меня: «Не до тебя нам, не до тебя, мы сейчас едем на железную дорогу». Я видел чемоданы, саквояжи, узлы... Я побежал к вам.

Мелузов. Пойдемте посмотрим в той зале, подождем их у входа.

Нароков. Я потерял память. Что же теперь, утро или вечер? Я ничего не знаю. Когда отходит поезд?

Мелузов. В семь часов вечера, еще минут двадцать осталось.

Нароков. О, так они еще приедут. Пойдем.

Уходят в другую залу.

Из стеклянной двери выходят Негина, на ней дорожная сумка, Домна Пантелевна, Смелская, Дулебов, Бакин и Матрена с подушками и узлами.

Явление четвертое

Негина и Смельская проходят вперед; Дулебов и Бакин садятся к столу, Матрена кладет узлы и подушки на диван подле двери, Домна Пантелевна перебирает узлы и что-то прячет в них.

Смельская. Как ты скоро собралась, Саша, и никому ничего не сказала.

Негина. Когда же мне было! Я сегодня получила телеграмму и сейчас же стала собираться.

Смельская. Если б мы с князем не заехали на вокзал, так бы ты и уехала, не простясь.

Негина. Мне некогда было... я ни с кем не простилась... я собралась вдруг... я хотела написать вам из Москвы.

Смельская. Так ты в Москву едешь?

Негина. Да.

Смельская. На каких условиях?

Негина. Предлагают очень хорошие, но я еще не решилась; я тебе оттуда напишу.

Дулебов(Бакину). Мне представилось, что нынче должен отправиться Великатов, вот я и приехал захватить его; выпью, мол, с него бутылку шампанского в наказание за то, что он уезжает украдкой.

Бакин. И я за тем же.

Дулебов. Однако поезд уж пришел, а его нет еще, должно быть, остался в городе.

Бакин. Ведь эти господа миллионщики любят являться прямо к третьему звонку.

Смельская(Негиной). А как же Петр Егорыч?

Негина. Ах, не говори об нем, пожалуйста!

Смельская. Ты ему сказала?

Негина. Нет, он не знает. Я боюсь, что он сюда придет, уж уехать бы поскорей.

Бакин. Вот и Иван Семеныч!

Из другой залы входят Великатов и обер-кондуктор и останавливаются у двери.

Явление пятое

Негина, Смельская, Дулебов, Бакин, Домна Пантелевна, Матрена, Великатов, обер-кондуктор, потом человек и кондуктор.

Обер-кондуктор(*Великатову*). Начальник станции приказал прицепить особый вагон с семейным отделением.

Великатов. Да, это я его просил. (*Кланяется Дулебову и Бакину.*)

Бакин. Вы едете?

Великатов. Нет, я провожаю Александру Николавну и Домну Пантелевну. (*Обер-кондуктору.*) Когда будет готово, так распорядитесь, чтоб перенесли эти вещи! Уж похлопочите, чтоб все было хорошо и удобно.

Обер-кондуктор. Будьте покойны.

Домна Пантелевна. Иван Семеныч, взяли билеты-то?

Великатов. Взял, Домна Пантелевна, и всю кладь вашу сдал.

Домна Пантелевна. Так дайте мне билеты-то, а то без билетов не пустят.

Великатов. Я вам после отдам, когда будете в вагон садиться.

Домна Пантелевна. Как бы не опоздать, Иван Семеныч; пожалуй, без нас уедут; у меня сердце не на месте.

Обер-кондуктор. Не беспокойтесь; я за вами приду и сам посажу вас, а уж без меня поезд не тронется. А за вещами я сейчас пришлю.

Домна Пантелевна. Да уж пришлите, только кого понадежнее, чтобы все в сохранности.

Великатов. Так вы распорядитесь!

Обер-кондуктор(*прикладывая руку к шапке*). Сейчас прикажу. (*Уходит.*)

Великатов. Надо, господа, на проводах бутылочку выпить, я уж приказал подать. Александра Николавна, Нина Васильевна, прошу покорно!

Домна Пантелевна. Да, уж перед отъездом всем нужно присесть. Матрена, и ты садись!

Все усаживаются у стола со стороны, противоположной арке. Человек входит с бутылкой шампанского, ставит на стол и уходит. Великатов наливает вино в бокалы.

Великатов(*поднимая бокал*). Счастливого пути, Александра Николавна! Домна Пантелевна!

Дулебов и Бакин встают и кланяются.

Домна Пантелевна. Счастливо оставаться, господа!

Смельская(*целуя Негину*). Желаю тебе счастья. Саша! Пиши, пожалуйста!

Входит кондуктор.

Кондуктор. Какие вещи прикажете брать?

Домна Пантелевна. Вон, батюшка! Матрена, покажи ему да поди за ним, пригляди хорошенько.

Кондуктор забирает вещи.

Кондуктор!

Кондуктор. Что угодно?

Домна Пантелевна. Ты подушки-то поосторожнее, там по полу не валяйте их!

Негина. Маменька!

Домна Пантелевна. Что «маменька»! Прикажешь-то, так лучше. (*Кондуктору.*) Не трожь этот мешочек-то, крайний-то! Говорю, не трожь, там баранки; еще рассыплешь, пожалуй!

Дулебов и Бакин смеются.

Негина. Маменька!

Домна Пантелевна. Да что! Понадейся на них!

Негина. Берите всё, берите всё!

На платформе звонок.

Домна Пантелевна(*быстро встает со стула*). Ай! Поехали.

Великатов. Успокойтесь, Домна Пантелевна, без вас не уедут.

Кондуктор. Это звонок третьему классу; еще времени много осталось. (*Уходит. Матрена за ним.*)

Домна Пантелевна. Напугали до смерти. Они этими звонками проклятыми всю душу вымотают.

Входят из другой залы Нароков, за ним человек с бутылкой, Мелузов.

Явление шестое

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов, Бакин, Дулебов. Нароков садится на конец стола, к арке. Человек ставит перед ним бутылку. Мелузов останавливается у двери.

Негина(*подходит к Мелузову*). Ни слова, ради Бога, ни слова! Если только любишь меня, молчи: я тебе после все скажу. (*Отходит и садится на свое место.*)

Нароков(*человеку*). Ты сомневался, ты сомневался, глядя на меня, заплачу ли я тебе? Хорошо! Ты хороший слуга! Вот тебе за добродетель награда! (*Дает десять рублей.*) Получи за вино, а сдачу себе возьми!

Человек. Покорнейше благодарю-с! (*Уходит.*)

Мелузов садится рядом с Нароковым, который, налив бокалы себе и Мелузову, встает.

Бакин. Спич, спич, господа! Послушаем!

Нароков. Александра Николавна! Первый бокал за ваш талант! Я горжусь тем, что первый заметил его. Да и кому ж здесь, кроме меня, заметить и оценить дарование! Разве здесь понимают искусство? Разве здесь искусство нужно? Разве здесь... о, проклятие!

Бакин. Запутался, Мартын Прокофьич.

Нароков(*с сердцем*). Нет, я не запутался. В робких шагах дебютантки, в первом, еще наивном лепете я угадал будущую знаменитость. У вас есть талант, берегите его, растите его! Талант есть лучшее богатство, лучшее счастье человека! За ваш талант! (*Пьет.*)

Негина. Благодарю вас, Мартын Прокофьич!

Бакин. Bravo!

Дулебов. А он говорит довольно складно.

Нароков(*Мелузову*). Налейте мне и себе.

Мелузов наливает. Нароков поднимает бокал.

Второй бокал за вашу красоту!

Негина(*встает*). Ах, что вы! Зачем!

Нароков. Вы не признаете за собой красоты? Нет, вы красавица. Для меня, где талант, там и красота! Я всю жизнь поклонялся красоте и буду ей поклоняться до могилы... За вашу красоту! (*Пьет и ставит бокал.*) Теперь позвольте мне, на прощанье, поцеловать вашу руку! (*Становится на колени перед Негоиной и целует ее руку.*)

Негина(*сквозь слезы*). Встаньте, Мартын Прокофьич, встаньте!

Великатов. Довольно, Мартын Прокофьич! Вы расстраиваете Александру Николавну!

Нароков. Да; довольно! (*Встает, делает несколько шагов к стеклянной двери и останавливается.*)

В дверях из другой залы появляются обер-кондуктор, прислуга и несколько пассажиров.

Не горе и слезы, Не тяжкие сны, А счастья розы Тебе суждены. Те розы прекрасны, То рая цветы. И, верь, не напрасны Поэта мечты. Но в радостях света, В счастливые дни, Страдальца поэта И ты вспомяни!

(Отходит к самой двери.)

Судьбою всевластной Нежданно гоним, Он счастлив, несчастный, Лишь счастьем твоим.

(Идет к дверям.)

Великатов и Негина. Мартын Прокофьич, Мартын Прокофьич!

Нароков. Нет, довольно, довольно, больше не могу. *(Уходит.)*

Негина *(знаком подзывает обер-кондуктора)*. Скажите, что пора ехать! Прошу вас.

Обер-кондуктор *(взглянув на часы)*. Еще немножко рано, а впрочем, как вам угодно. Господа, не угодно ли в вагоны садиться?

Домна Пантелевна. Ах, пустите меня вперед, господа! Пустите, а то не успею.

Обер-кондуктор. Пожалуйста направо, в последний вагон!

Уходят: Домна Пантелевна, за ней обер-кондуктор, Негина, Смелская и Великатов, за ними Дулебов и Бакин. Негина скоро возвращается.

Явление седьмое

Мелузов, Негина, потом Великатов и обер-кондуктор.

Негина. Ну, Петя, прощай! Судьба моя решена.

Мелузов. Как? Что? Что ты?

Негина. Я не твоя, мой милый! Нельзя, Петя.

Мелузов. Чья же ты?

Негина. Ну, что тебе знать! Все равно тебе. Так надо, Петя. Я долго думала, мы обе с маменькой думали... Ты хороший человек, очень хороший! Все, что ты говорил, правда, все это правда; а нельзя... Уж сколько я плакала, сколько себя бранила... Ты этого не понимаешь. Вот видишь ты: уж всегда так, уж так заведено, уж ведь... ну... все так; что ж, вдруг я одна... это даже смешно.

Мелузов. Смешно? Неужели смешно?

Негина. Да, конечно. Все правда, все правда, что ты говорил, так и надо жить всем, так и надо... А если талант... если у меня впереди слава? Что ж мне, отказаться, а? А потом жалеть, убиваться всю жизнь... Если я родилась актрисой?..

Мелузов. Что ты, что ты, Саша! Разве талант и разврат нераздельны?

Негина. Да нет, не разврат! Ах, какой ты! *(Плачет.)* Ты ничего не понимаешь... и не хочешь меня понять. Ведь я актриса, а ведь, по-твоему, нужно быть мне героиней какой-то. Да разве всякая женщина может быть героиней? Я актриса... Если б я и вышла за тебя замуж, я бы скоро бросила тебя и ушла на сцену; хотя за маленькое жалованье, да только б на сцене быть. Разве я могу без театра жить?

Мелузов. Это для меня новость, Саша.

Негина. Новость! Потому и новость, что ты до сих пор души моей не знал. Ты думал, что я могу быть героиней; а я не могу... да и не хочу. Что ж мне быть укором для других? Вы, мол, вот какие, а я вот какая... честная!.. Да другая, может быть, и не виновата совсем; мало ль какие обстоятельства, ты сам посуди: или родные... или там обманом каким... А я буду укорять? Да сохрани меня Господи!

Мелузов. Саша, Саша, да разве честная жизнь укор для других? Честная жизнь - хороший пример для подражания.

Негина. Ну, вот видишь ты; значит, я глупа, значит, ничего не понимаю... А мы с маменькой так рассудили... мы поплакали, да и рассудили... А ты хочешь, чтоб я была героиней. Нет, уж мне куда же бороться... Какие мои силы! А все, что ты говорил, правда. Я никогда тебя не забуду.

Мелузов. Не забудешь? И за то спасибо!

Негина. Это были лучшие дни в моей жизни, уж у меня больше таких не будет. Прощай, милый!

Мелузов. Прощай, Саша!

Негина. Я как сбиралась, все плакала о тебе. На вот! *(Достает из дорожной сумки волосы, завернутые в бумажку.)* Я у себя отрезала полкосы для тебя. Возьми на память!

Мелузов*(кладет конверт в карман).* Благодарю, Саша.

Негина. Если хочешь, я еще отрежу, хоть сейчас. *(Достает из сумки ножницы.)* На, отрежь сам!

Мелузов. Не надо, не надо.

Великатов отворяет дверь.

Великатов. Александра Николавна, пожалуйста! Сейчас последний звонок.

Негина. Сейчас, сейчас! Уйдите!

Великатов уходит.

Ну, прощай! Только ты не сердись на меня! Не брани меня! Ну, прости меня! А то мне тяжело будет, у меня никакой радости не будет. Прости меня! Я на коленях буду умолять тебя.

Мелузов. Не надо, не надо. Живи как хочешь, как умеешь! Я одного только желаю, чтоб ты была счастлива. Только сумей быть счастлива, Саша! Ты обо мне и об моих словах забудь; а хоть как-нибудь, уж по-своему, сумей найти себе счастье. Вот и все, и вопрос жизни решен для тебя.

Негина. Так ты не сердись? Ну, вот и хорошо... ах, хорошо! Только послушай, Петя. Если ты будешь нуждаться, напиши!

Мелузов. Что ты, Саша!

Негина. Нет, пожалуйста, не откажись. Я как сестра... я как сестра, Петя. Ну, доставь ты мне эту радость!.. Как сестра... Чем же я тебе за все добро твое?..

Входит обер-кондуктор.

Обер-кондуктор. Я за вами пришел. Пожалуйста садиться; сейчас поезд отходит!

Негина(бросается на шею Мелузову). Прощай, Петя! Прощай, милый, голубчик! (Вырывается из объятий и бежит к двери.) Напиши, Петя, напиши! (Уходит; за ней обер-кондуктор.)

Мелузов смотрит в растворенную дверь. Звонок. Слышен свисток кондуктора, потом свист машины, поезд трогается. Из другой залы выходят Трагик и Вася.

Явление восьмое

Мелузов, Трагик и Вася.

Трагик. Что ты сказал? Она уехала?

Вася. Да, брат, уехала наша Александра Николавна. Прощай! Только и видели.

Трагик. Ну, что ж; мы с тобой будем плакать в одну урну и заочно пожелаем ей счастливого пути.

Входят Смельская, Дулебов и Бакин.

Явление девятое

Мелузов, Трагик, Вася, Смельская, Дулебов и Бакин.

Бакин(хохочет). Это бесподобно! Я ему кричу: «Выходите, а то вас увезут!» А он говорит: «Пусть увезут, я нисколько не обижусь. До свиданья, господи!» Бесподобно! Значит, он их повез в свою усадьбу?

Смельская. Это очень заметно было; я сейчас догадалась. Разве Негина может ехать в семейном вагоне? Из каких доходов? Ей с маменькой место в третьем классе, прижавшись в уголку.

Бакин. Так зачем же он врал, что провожает?

Смельская. Чтоб избежать разговоров; скажи он, что едет вместе с ними, сейчас бы пошли насмешки, остроты; да вы первые бы начали. А он стыдится, что ли, или просто не любит таких разговоров, я уж не знаю. Он сделал очень умно.

Дулебов. Я вам говорил, что он человек умный.

Бакин. А мы-то желаем счастливого пути госпоже Негиной! Да чего уж счастливее. Ну, если бы я знал это, я бы от души пожелал Великату голову сломить. А ведь бывает же, князь, что иногда стрелочник пьян напьется... Вот теперь встречный поезд проходит; вдруг на разъезде трах!

Мелузов бросается к двери.

Что вы, куда вы? Спасать? Не поспеете. Да и не бойтесь! Такие люди, как Великату, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят.

Мелузов останавливается.

Побеседуемте, молодой человек! Или вы, может быть, застрелиться торопитесь? Так я вам не помешаю, стреляйтесь, стреляйтесь! Ведь студенты при всяких неудачах стреляются.

Мелузов. Нет, я не застрелюсь.

Бакин. Пистолета не на что купить? Так я вам куплю на свой счет.

Мелузов. Покупайте для себя.

Бакин. Что же вы теперь, за какое дело приметесь? Опять учить?

Мелузов. Да. Что же больше делать? Это наше занятие, наша обязанность.

Бакин. И опять актрису?

Мелузов. Хоть бы и актрису.

Бакин. И опять влюбитесь, опять мечтать будете, женихом себя считать?

Мелузов. Смейтесь надо мной, я не сержусь, я этого заслуживаю. Я вас обезоружу, я сам вместе с вами буду смеяться над собой. Ведь смешно, действительно смешно. Бедняк, на трудовые деньги выучился трудиться: ну, и трудись! А он вздумал любить! Нет, этой роскоши нам не полагается.

Смельская. Ах, какой милый! *(Посылает рукой поцелуй.)*

Мелузов. У нас, у горемык, у тружеников, есть свои радости, которых вы не знаете, которые вам не доступны. Дружеские беседы за стаканом чаю, за бутылкой пива о книжках, которых вы не читаете, о движении науки, которой вы не знаете, об успехах цивилизации, которыми вы не интересуетесь. Чего ж нам еще! А я вторгся, так сказать, в чужое владение, в область беспечального пребывания, беззаботного времяпровождения, в сферу красивых, веселых женщин, в сферу шампанского, букетов, дорогих подарков. Ну, как же не смешно! Конечно, смешно.

Смельская. Ах, какой он милый!

Бакин. Вы не обидчивы; а я думал, что вы меня на дуэль вызовете.

Мелузов. Дуэль? Зачем? У нас с вами и так дуэль, постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещаю, а вы разворачиваете.

Трагик. благородно! *(Васе.)* Спрашивай шампанского!

Мелузов. Вот и давайте бороться: вы свое дело делаете, а я буду свое. И посмотрим, кто скорее устанет. Вы скорее бросите свое занятие; в легкомыслии немного привлекательного; придете в солидный возраст, совесть зазрит. Бывают, конечно, и такие счастливые натуры, что до глубокой старости сохраняют способность с удивительной легкостью перелетать с цветка на цветок; но это исключения. Я же свое дело буду делать до конца. А если я перестану учить, перестану верить в возможность улучшать людей или малодушно погружусь в бездействие и махну рукой на все, тогда покупайте мне пистолет, спасибо скажу. *(Надвигает шляпу и закутывается пледом.)*

Вася. Шампанского!

Трагик. Полдюжины!

Примечания

1

Цветная капуста (*франц.*).

2

Свистун (франц.).

3

Парфюм – благовоние, аромат (от *франц.* parfum).

4

Ни одного су (ни гроша) *(франц.)*.

Подлинные стихи одного неизвестного артиста сороковых годов. *(Примеч. А. Н. Островского.)*